

НАШИ ТАМ

АДЖОНИ РАС

ИГРА

КОЛИБРИ

Наши там (Центрполиграф)

Аджони Рас
Игра колибри

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Рас А.

Игра колибри / А. Рас — «Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08901-4

Нобелевский лауреат по физике из России и агент ФБР из Лос-Анджелеса, что их может связывать? Возможно, темнокожая мексиканка, в которую безумно влюблен русский ученый, или маньяк, безнаказанно орудующий много лет и ставящий в тупик лучших агентов? Или же их связывает еще один гений медицины, который научился копировать память и пересаживать ее другому человеку? На что способен человек ради любви и готов ли он расплатиться собственной жизнью ради того, кто никогда не ответит ему взаимностью? Дружба двух ученых из России и агента ФБР скреплена одной целью – поймать самого таинственного маньяка Города ангелов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08901-4

© Рас А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	41
Глава 16	46
Глава 17	51
Глава 18	56
Глава 19	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Аджони Рас
Игра колибри
Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Рас А., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Пролог

– Ты кем себя возомнил? – Голос девушки разлетался по окрестностям, вызывая в редких прохожих желание обернуться.

Голос не был каким-то особенным или неприятным, нет... Он, наоборот, слышался спелым и поставленным, как бывает у опытных актрис и ведущих теленовостей.

– У тебя кредит на обучение, а ты даже отца не можешь попросить! Ютишься в съемной квартире за семьсот долларов, ездишь на разбитом «додже», а все это – никчемная гордость! А мне при этом нельзя сходить туда, куда я хочу! – Линдси была заведена, собственно, как и всегда, когда дело доходило до ее свободы.

Стив был перспективным парнем, но ждать, пока он оперится к сорока годам, совсем никуда не годилось. Ей уже двадцать три, а она до сих пор вынуждена считать каждый доллар, чтобы выглядеть безупречно. Только она знает, чего все это стоит. Спортзал с бассейном, косметолог раз в неделю, а еще эти вечные проблемы с волосами и ногтями. Черт побери, они сухие, как отутюженная газета. Если бы не те полтора часа каждое утро, что она тратила на себя, то один бог знает, что за уродина сейчас полоскала бы мозги Стиву.

Но пока рано отпускать парня, его отец состоятельный делец. Немецкий внедорожник, дом на холмах, служанка, все так, как она рисовала в собственных мечтах. Посмотрите-ка на него, столько вины в глазах, что ее можно продавать по доллару за фунт. «Нет, дорогой мой, пока что ты не уйдешь, еще рано, слишком рано». – Мозг Линдси работал со скоростью счетной машинки, но выдавал только один результат.

– Ты можешь сейчас обеспечивать нашу семью?

– Нет, но это временно, ты сама знаешь! – Он давился словами, голос дрожал, и похоже, он был готов разрыдаться.

Они – никакая не семья, но каждый раз, когда она называла их больной союз именно так, Стив совершенно терял рассудок. Права была эта сучка из телика, говоря, что нынешние мужики еще слабее, чем кажется.

– Я бриллиант, Стиви, – сказала она тихо, с придыханием, словно произнесла вселенскую истину, – а бриллианту нужна соответствующая оправка, понимаешь? Оправка, а не эта лачуга, куда ты тянешь меня, чтобы заняться сексом. На этом диване я боюсь просто сидеть, не говоря уже о том, чтобы лечь.

Она провела ладонью по его щеке, совсем гладкой и уже влажной.

– Пока ты не можешь дать мне все это, то и контролировать меня у тебя нет никаких прав, – она заботливо вытерла щеку одноразовой салфеткой, – ты же не мой папа, верно? Да и, в сущности, у меня много друзей, и почему я должна перестать общаться с ними из-за твоей глупой ревности? Я разве даю повод сомневаться в себе?

Повод она давала, но вот убедить Стиви, что все в порядке, не составляло особого труда. Перепахнуться раз или два в месяц, пару походов в кино, а еще лучше в магазин – и все, парень счастлив, и для него это самая настоящая идиллия...

Человеку нравилось слушать этот разговор. Он приоткрыл окно шире, и теплый воздух принес новые слова, которые так приятно ложились на сердце. Он совсем перестал ошибаться, это было еще одним белым пятном последних лет. Пока не появились все эти социальные сети, мессенджеры и приложения для знакомств, искать приходилось долго, но не теперь... «Жаль, не довелось родиться лет на двадцать позже», – думал человек в серебристом седане, смахивая со лба длинные волосы.

– Эта... то, что нужно, то, что нужно, – раз за разом повторял человек, еле слышно шевеля губами. – Она то, что нужно, то, что нужно...

Парочка его не видела, сумрак скрадывал детали, а ночи в Лос-Анджелесе по-южному черны. Но человек был рядом, так близко, как это только возможно... Он уже знал, куда пойдет девчонка, знал, где и с кем проведет ночь, и знал, где проживет следующий год. От этой мысли тонкие губы растянулись в улыбке, а у глаз прорезались назойливые морщины. Он ощущал давление внизу живота, какое случается от предчувствия чего-то волнующего и желанного. Его желание было столь велико, что он с силой размял брюки между ног. Из его горла вырвалось непонятное «Хрррммм», и он на мгновение прикрыл глаза. «Эта вкусна, ничего не скажешь. – Он облизнул пересохшие губы. – Вот только незнакомец, что крутился вокруг, пока она была со своим любовником в горах, кто же ты такой, кто ты и что тебе нужно?» Мысли человека вновь пришли в движение, зрачки стремительно задвигались, будто следили за бегущей строкой новостей.

Он привык считать, привык решать многоуровневые задачи с множеством неизвестных, но тут была иная игра, совсем иная! Переменных так много, что приходилось заниматься банальной подстановкой, раз за разом подставляя новые значения и сверяясь с результатом. Но это ничего, это лишь вопрос времени, и ничего больше... Если его подозрения верны, то он должен быть осторожнее, по крайней мере сейчас, пока не выяснил, как именно работает этот самый Разоблачитель, о котором столько трескотни в телевизоре.

Человек думал об этом, когда его серебристый седан припарковался рядом с домом, куда зашла девушка. Дом арендован, это он знал, тут она встречается с папиком, или, как она сама называет, Чемоданом. Вдалеке от посторонних глаз, но близко к городу. Удачный союз денег и возраста с юностью и жадностью. Не лучше и не хуже, чем у многих... Дом оформлен на юридическое лицо и сдается сотрудникам компании, которой владеет Чемодан, когда те приезжают по служебным делам в Лос-Анджелес.

Человек припарковался в тридцати метрах от дома, заглушил мотор и глянул на разложенные на свободном кресле предметы: два маленьких флакона духов, два ватных тампона в прозрачном запечатанном пакете, шапочка для душа, перчатки из тонкой оранжевой кожи и накладная рыжая борода величиной с добрую ладонь. Брови он наклеил еще прошлым вечером, чтобы не терять времени. Как именно Разоблачителю удастся узнавать правду о своих клиентах, человек не знал, но чутье заставляло его быть осторожнее.

Если он разработал серию сложных двухкомпонентных ядов, неотличимых от духов, кто знает, куда продвинулась та сотня гениев, что трудятся в Калифорнии на правительство или на частных инвесторов? Вопрос, конечно, сложный, но исключать никому пока не известного прорыва в науке и технологиях нельзя. Новыми достижениями часто пользуются в специфических целях, пока к похожим открытиям не начнет приближаться кто-то еще. Только в случае угрозы, что пальму первенства перехватят, открытие становится общедоступным, а до тех пор его используют самыми грязными способами, возвращая вложенные деньги и зарабатывая новые. Закон рынка, тут все просто!

Его разработка двухкомпонентного яда пока принадлежала только ему, так что мешает Разоблачителю открыть что-то, что пока считают недостижимым и нереальным? Ничего! Его яд состоит из инь и ян. Пока две части рядом, нет никакой опасности, но стоит ян отдалиться на расстояние пяти метров, как инь превратится в смертельный токсин. Спасение лишь одно, вновь соединить два компонента, но если их у вас нет, то тут спасет только чудо и поистине нечеловеческое здоровье. В семидесятых, когда он только начинал эксперименты, из десяти подопытных чернушек (так он про себя называл представителей Африканского континента) умирало десять, и лишь на третьем десятке попался тот, кто смог выжить без посторонней медицинской помощи.

Человек думал об этом просто: «У каждого хирурга есть свое маленькое кладбище, у меня их не одно, но от этого я не перестал быть врачом». Когда-нибудь он откроет свое изобретение людям, и, может быть, это остановит десяток войн и спасет миллионы жизней, но сей-

час он должен был накормить свой огонь, именно свой, а не чужой! Время его простит, пусть и не сразу, но обязательно простит!

Глава 1

Пасадена

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Кажется, будто кто-то выгнул подковой толстую книгу, а потом, придерживая пружинистую кипу страниц большим пальцем, стремительно прошелся по ним до верхнего корешка. Я оказался у той самой черты... У черты, за которой, по мнению многих, наступает вечность, но теперь, у самой ее грани, могу думать только о том, чего сделать не успел, о несбывшемся из моих детских грез и зрелых надежд. Не было никаких тягостных воспоминаний, ностальгии по ярким моментам прожитой жизни... Все, что осталось перед той самой гранью, – боль и сожаление.

Больше всего это напоминало то, как ребенком я проходил мимо знакомой витрины с новеньким велосипедом за потускневшим от прикосновений детских ладошек стеклом. Синий, с хромированным рулем и четырьмя катафотами, он так и оставался за этой самой гранью, в моих желаниях и простых детских грезах. Как ни стремился я приблизить тот день, когда велосипед мог бы стать моим, он так и не наступил, навсегда оставшись в несбыточном завтра.

Как и многие живущие сегодня, я долго не верил, что та самая секунда, после которой человек уходит в вечность и навсегда исчезает в прошлом, настанет и для меня. Но вот этот миг. Я смотрю на собственные руки, на немеющие пальцы и с ужасом осознаю: я уже у порога вечности. Больше ничего нет у меня, кроме новенького «молескина» – блокнота, что служит верным другом и слушателем. Ему я поведаю эту историю. Остается лишь усердно записывать строчку за строчкой, сидя под старым апельсиновым деревом, и надеяться, что я успею рассказать все до конца.

Колибри! Маленькая птичка, питающаяся нектаром и живущая с ядерным реактором вместо сердца. Пока светит солнце, она является самым активным существом на планете. Но стоит ей уснуть, как хрупкое тельце уже не отличить от мертвого. Жизнь замерзает в этом удивительном создании, словно Всевышний разрешил ему обманывать по ночам саму смерть и воскресать с первыми лучами солнца. Колибри играет с ней, играет с самой смертью. Но и ее игра рано или поздно закончится.

В 2007 году я, Адам Ласка, русский физик, работавший сообща с двумя англоязычными учеными, получил Нобелевскую премию по физике. Мало кто знает, но в случае совместного открытия премия делится поровну между номинантами. Однако даже эта сумма казалась мне просто астрономической и позволяла наконец-то вырваться из бедности и постоянной погони за лучшей судьбой.

Сама по себе премия давала не только деньги... Она давала признание, заставляя обратить внимание на научную работу известные фонды и исследовательские институты по всему миру. Так случилось и со мной. Ровно за неделю до награждения будущего лауреата меня уже пригласили на работу в солнечный штат Калифорния. Незачем говорить, что принял я столь лестное предложение не задумываясь. Ни бывшая жена, которая давно перестала поддерживать со мной связь, ни друзья, которыми успел обрасти на кафедре, – никто не мог удержать Адама Ласку. А позаботиться о благополучии подрастающей дочери я мог куда лучше из-за океана.

Денег хватило, чтобы переехать и приобрести приличное жилье. Тогда, в 2008-м, в Америке еще ощущались последствия жилищного кризиса, и купить дом со стопроцентной оплатой можно было за вполне приемлемые деньги. Я поселился в милом доме под номером 1440 на Сан-Пасквал-стрит в Пасадене рядом с Калтехом – Калифорнийским техническим университетом, в котором собирался работать, пока хватит сил и здоровья. Большого ученому сложно пожелать. Пасадена оказалась тихой и благоустроенной. Этаким район, который облюбовали

представители среднего американского класса из-за его отдаленности от туристических маршрутов и оживленных улиц Даун-Тауна.

Когда шумиха с награждением слегка утихла, я уволился с работы, продал то немногое, что сумел нажить за свои тридцать лет, и, помахав рукой любимой, но не самой приветливой Москве, сел в самолет до Лос-Анджелеса. С того дня прошло восемь долгих лет, и именно от этой черты я начну рассказ, заломив хрустящий лист в блокноте и свернув его пополам.

Глава 2

Адам Ласка

Диктор новостей перешел к «горячему», а внизу экрана появилась надпись: «4 февраля 2016 года». Вот уже несколько месяцев два громких расследования ФБР привлекали внимание прессы и жителей города. Я свернул на узкую улочку и посмотрел на экран навигатора, упрямо показывающий, что до места назначения осталось двадцать минут. Чертова железка твердила это уже десять минут и не собиралась сдаваться.

«Сегодня ночью найдена двенадцатая жертва Октября, серийного убийцы и похитителя, двенадцать лет ускользающего от правосудия. Личность жертвы установлена. Ею стала Мередит Бигилоу, пропавшая без вести в канун Рождества на одном из лыжных курортов Калифорнии. Полиция и ФБР пока не комментируют информацию о причине смерти, но нам стало известно, что Мередит, как и одиннадцать предыдущих жертв маньяка, подвергалась сексуальному насилию. Возглавляющий расследование Патрик Гассмано на пресс-конференции отметил, что теперь полиция располагает новыми уликами по делу Октября. От других комментариев правоохранительные органы воздержались».

Американцы из всего делают шоу. Репортерам не важно, какво родственникам или полицейским, ведущим расследование, когда под носом постоянно жужжат камеры, щелкают фотовспышки, а в лицо впиваются диктофоны. Главный критерий – рейтинг конкретного канала, передачи и самой новости. Интересно, если бы в Москве случилось нечто подобное, узнал ли об этом хоть кто-то, пока псих не оказался бы на скамье подсудимых? Насколько я помню, московские следователи не особо общительны, а тут самая настоящая драма в прямом эфире. Превратили свободу слова в карикатурную шлюху, а по-другому и не скажешь.

Надрывный женский голос тем временем перешел к следующей теме.

«Набирает обороты бракоразводный процесс между супругами Ричардом и Кристиной Баттон. Виновником данного события считается так называемый Разоблачитель. Члены семьи Баттон отказались давать какие-либо комментарии по этому поводу. Это уже пятое громкое дело, в котором подозревают Разоблачителя. Какие именно материалы спровоцировали развод одной из самых знаменитых пар Северного Лос-Анджелеса, остается загадкой. Мы продолжаем следить за событиями, оставайтесь с нами. С вами была...»

Я выключил экран и постарался сосредоточиться на дороге. Мне предстояло провести первую ночь в доме после капитального ремонта, и я предвкушал, как сделаю первый шаг по новому ламинату и включу свет в гостиной. Все вокруг виделось совершенно иным, играло почти неземными звуками и красками. Прогревшийся на полуденном солнце салон автомобиля, запах пропитки для кожи и теплый аромат сухой древесины со стороны заднего сиденья – это были ароматы маленького праздника в судьбе Адама Ласки.

Мне хотелось надеяться, что ремонт окажется в каком-то смысле и моим личным обновлением или даже перерождением. А надежда на это самое перерождение была очень нужна, почти необходима, чтобы просто дышать и жить как нормальный человек. Тем, что я желал изменить в себе, перевернуть с ног на голову, чтобы переродиться, стали чувства к юной девушке, превращающейся прямо на глазах в женщину, по моим внутренним принципам столь недоступную, как прожитый накануне день. Она была дочерью Вирджинии, эмигрантки из

Мексика, которой удалось не просто вырваться из бедности в гетто, но и стать полноценным членом американского общества со всеми его особенностями и странностями.

В свои пятьдесят Вирджиния оставалась яркой и эффектной женщиной с умопомрачительными карими глазами, строгими, но от этого не менее женственными чертами лица и открытой улыбкой в кайме бледно-розовых тонких губ. Если бы Всевышний имел мудрость амурного наставника, он непременно бы одарил меня чувствами к ней, но, видимо, в этот раз у Творца были иные планы...

Мое же преобразование заключалось в том, что, как священнику, сбегающему от искушения, мне удалось волею случая избавиться от своего черного ангела. Она уехала учиться и тем самым избавила меня от лицемерия собственной красоты, которая приступами глупых мечтаний сводила с ума и не давала покоя последние годы.

Система так называемого раннего старта, которая позволяет заменить последние два года старшей школы на то же самое время образования в колледже, была отличной придумкой для успевающих подростков. Мне же она помогла избавиться от нее...

Алиса... Мать называла ее Али, но в первой букве больше звучало русское «Э» и выходило нечто среднее, как в имени Аэлита или Элли. Они жили по соседству, и из окон своей спальни я мог видеть и задний дворик семейства Роуз, и окно спальни на втором этаже, и два узких кухонных окна, походившие на средневековые бойницы, на фоне песчаного фасада и медной трубы, сбегающей вниз ровно между ними...

По словам Вирджинии, Алиса не собиралась возвращаться в Пасадену. Помню, как она встретила меня на залитой солнцем лужайке перед домом и, постукивая себя полотенцем по руке, с упоением рассказывала, что Алиса закончила колледж. Пусть не с отличием, но Вирджиния гордилась этим. Мать, перебравшаяся в страну в двадцать с небольшим, не могла оценивать успех дочери иначе. Вирджиния накручивала локон черных и смолянистых с виду волос на указательный палец и воодушевленно делилась последними новостями, искренне считая, что мне будет приятно узнать о судьбе Али, и я, несомненно, разделю ее радость. Она поведала, что у совсем уже повзрослевшей Алисы случился бурный роман на последнем курсе и пару месяцев она жила где-то в Нью-Йорке.

Ее слова в один миг вернули меня к мрачным мыслям и напомнили о чувствах, холодных и неразделенных, которые я так старательно таил в душе. Но это был лишь миг, и, когда Вирджиния, ласково погладив меня по плечу и еще раз накрутив завиток на палец, бросилась снимать с плиты подгоревшее мясо, я тут же постарался все забыть. За те несколько лет, что я не видел Али, в жизнь вновь вернулся покой, и она текла так, как и должно быть у тридцатипятилетнего ученого. Много работы, выступления, лекции и семинары с редкими всплесками удачных свиданий без каких-либо претензий на продолжение.

Всю свою жизнь я был уверен, что мне случалось любить, как и быть любимым. Страсть, о которой сложено не меньше песен, чем о несчастной любви... Я наивно полагал, что и она была испытана мной, и не единожды, но здесь Адам Ласка ошибся. В этом я убедился, когда юная соседка неожиданно улыбнулась мне, той самой улыбкой, невинной и от этого такой соблазнительной и манящей. За одно короткое лето 2010 года Алиса превратилась из подростка в красивую семнадцатилетнюю девушку... С того самого момента ее лицо, ее руки и линия бедер возникали передо мной в самых потаенных грезах.

Один бог знает, как я боролся с ее кофейными глазами, пытаюсь забыть их, смахнуть и развеять, как полуденный сон. Ее поступление в Нью-Йоркский колледж искусств стало самым настоящим избавлением. Она уехала туда, так и не узнав, что ее сосед, Адам Ласка, втайне мечтает о ней вечерами и может часами смотреть, как она загорает на заднем дворике или занимается йогой.

Конечно, все случилось не в одно мгновение. Юная Алиса была самым обычным подростком. Иногда я помогал ей разобраться с уроками, когда у Вирджинии не хватало времени

и знаний, выручал с починкой велосипеда. Все шло так, как и должно было идти. Мне было почти тридцать два, а ей скоро должно было исполниться восемнадцать. Просто соседи с благополучной улицы Пасадены, но, как часто бывает в жизни, случилось то, чего я никак не мог предполагать и ждать от самого себя.

Шло время, я постепенно освоился, преодолел языковой барьер и стал забывать, что он вообще когда-то существовал. Соседи постепенно перестали шарaxаться от меня, как от некоего инородного тела в здешних местах. И как результат моих лингвистических успехов, спустя полгода проживания на Пасквал-стрит меня пригласили на барбекю по случаю дня рождения Вирджинии. Тогда я познакомился с юной Алисой, энергичной девчушкой, спящей между взрослыми и помогающей матери по хозяйству.

Много потом было этих визитов, совместных праздников и пикников. Я все больше погружался в проблемы местной общины, узнавал соседей, изучал их жизнь и проблемы. Этот маленький человечек, словно темное пятнышко, маячил где-то рядом, на самой грани восприятия, и лишь изредка я обращался к ней, к Алисе, с какой-нибудь пустяковой просьбой или банальным вопросом взрослого к подростку. «Как учеба, Алиса? Как дела в школе?» – все эти стандартные фразы оказались уместными и здесь...

Хорошо помню тот самый момент, когда вдруг поймал себя на мысли, что смотрю на Али несколько иначе, смотрю уже не как на подростка, а как на женщину, которая без труда теперь угадывалась в округлившейся груди и широких бедрах, которыми так славятся испанские и итальянские женщины.

Это был обычный жаркий летний день, который мы коротали на заднем дворе семейства Роуз по случаю неизвестного мне испанского святого. Голоса гостей, детский смех и звонкие возгласы, смешанные со всплесками воды, пряный и почти колючий от острого перца аромат мексиканских лепешек с фасолью и подкопченным мясом – все это затихало в моем сознании. Лишь она в белоснежном купальнике.

Ее голос как-то неожиданно для меня потерял детские нотки и приобрел мягкие и низкие тона. А эти движения рук... и то, как она держала теперь спину, выставляя вперед грудь. Не было сомнений, что Алиса вступила в новую веху собственной судьбы. Это было почти незаметно для родственников и других соседей, окружающих меня на заднем дворе и в гостиной, но я видел эти метаморфозы. Она уже не прыгала в бассейн, как делала это раньше, а спускалась в воду по ступенькам, покачивая округлившимися ягодицами. Она сама ощущала эти перемены в себе, в собственном теле и внутренней химии гормональных коктейлей и понимала, как именно должна вести себя в обществе мужчин.

Я стоял у столика с закусками, когда, выходя из воды, Алиса нашла в толпе мой взгляд, словно чувствуя, что я буду искать ее точно так же. Наши глаза встретились, и она улыбнулась. Это нельзя было спутать ни с чем другим. Это был самый настоящий взгляд флиртующей женщины. Она несколько секунд держала нить наших взглядов натянутой, давая понять, что заметила мое к ней внимание, а потом весь вечер старалась держаться рядом, изображая из себя самую внимательную и обходительную женщину. Она подливала вино, меняла тарелки, убирала со стола и старалась развлечь незамысловатой беседой на отвлеченные темы.

В тот день, хмельной от вина, в душевной и немного тесноватой гостиной с бледно-розовыми обоями и белой мебелью, я с жадностью впитывал эти знаки внимания, наслаждался ими, стараясь сохранить лицо и подобающую дистанцию. Но эти ножки! Эти округлые бедра околдовали меня, лишив рассудка, и вид ее смеющихся кофейных глаз стал преследовать по ночам, являясь и в мечтах, и в ночных видениях.

Помню, как впервые осознал, что попал в капкан, из которого не могу вырваться без ее помощи, как понял, что все это утопично и нереально и следует как можно быстрее выкинуть Али из головы... Так, бывая у них в доме, все чаще я старался не смотреть на нее. В сознании сложилась устойчивая закономерность, что я должен обуздать прежде всего собственные глаза,

жадно ищущие ее образ, а остальное со временем пройдет. И надо сказать, у меня неплохо получалось. Высокий лоб под черной копной густых волос, доставшихся как наследие от испанских предков. Если теперь она заговаривала со мной, то с педантичностью косметолога я смотрел на него. Только не в глаза, только не видеть ее юное лицо, наполненное красками и свежестью.

Я смотрел на ее ключицу, правую или левую, когда приходилось что-то спросить и никого не было рядом, чтобы я мог обратиться к другому. За весь следующий год, что мы жили по соседству, отмечая совместно американские праздники и дни рождения, с того самого дня, когда впервые осознал, что окончательно готов потерять голову, я видел ее лицо всего несколько раз и помню каждый из них. После ее отъезда мир остановился, застыл, словно фиксируя те изменения, что случились в жизни Адама Ласки. Но со временем, пусть и не сразу, жизнь все же вернулась к своей американской упорядоченности.

Больше года она снилась мне почти каждую ночь, и каждый день я вспоминал те танцующие, легкие руки, мысленно разговаривал с ней, и неизменно все заканчивалось лишь словами. Это был какой-то внутренний блок, некий зажим, который нельзя было сломать. Мысленная плотина, удерживающая страсть внутри. Никаких фантазий даже о самом обычном поцелуе, просто тихие беседы у камина, где я всегда находил ее, как только закрывал глаза и начинал мечтать.

С момента ее отъезда прошло четыре года. Я искренне желал ей счастья в личной жизни и уже несколько лет мог спокойно думать об этом, не терзаясь ревностью. Придя к выводу, что история эта закончена и пора все забыть раз и навсегда, я решил начать с ремонта и наконец-то обзавестись собственной мастерской, чтобы заниматься резьбой по дереву.

Для физика резьба по дереву – странноватое хобби, но мне оно нравилось. Именно в процессе резьбы в голову приходили интересные идеи и свежие решения. А наряду с ремонтом мне хотелось от всего этого новой, как я ее назвал, зрелой весны.

Перед тем как съехать из гостиницы, я купил несколько высушенных досок для резьбы. Любимым делом теперь можно было заняться вплотную: пространства в новой мастерской хватало. Боже мой, двести квадратных метров жилой площади, теннисный корт и бассейн! Даже в самых смелых мечтах я не представлял, что когда-нибудь позволю себе такое. Какой еще физик на моей родине мог похвастаться таким домом? Я лично таковых не знал, разве что ректор университета областного масштаба...

Я припарковал белый «шевроле-колорадо» под тенистым навесом и с дрожью в коленях подошел к двери. Это больше всего походило на чувства, когда в детстве я искал под елкой игрушечный кран, бережно завернутый мамой в красную упаковочную бумагу. Сердце замирает в груди, и крик радости подкатывает к горлу, готовый протиснуться вдоль голосовых связок и обрести свободу в пространстве комнаты. Большую радость я испытывал только тогда, когда впервые взял на руки крохотную Веронику, мою дочь.

Поразмыслив немного у двери, я сложил на крыльцо деревянные заготовки и решил растянуть удовольствие. Дом 1440 и соседний 1420 смотрели друг на друга, как зеркальное отражение. Хотя проекты и архитектура отличались, огромные окна на втором этаже тоже располагались почти зеркально. Участки разделяла зеленая изгородь из вечнозеленого кустарника, которая почти не мешала разглядеть соседний двор, так как еле доставала до подбородка взрослого человека.

Я уселся на траву рядом с бассейном и молча уставился на все это великолепие, по которому успел соскучиться за два месяца. Кто сказал, что на четвертом десятке жизнь заканчивается? Для меня она только начиналась, и я собирался использовать этот шанс полностью, посвятив себя работе и любимым увлечениям. На заднем дворике, по моей задумке, теперь разместилась мастерская, где можно работать с деревом под ласковыми лучами калифорнийского солнца. Я уже подобрал небольшой токарный станок со специальным малошумным дви-

гателем и заказал в интернет-магазине набор стамесок из трехсот наименований, всех видов и размеров.

В ноутбуке имелись эскизы поделок, которые я собирался вырезать из дерева, оставалось купить удобный верстак, и можно начинать творить. Дерево – благородный материал, и к нему всегда приятно прикасаться. Аромат свежесрезанной стружки, ребристые прожилки колец, податливые под острием ножа завитки, слетающие на пол... Что может быть лучше?

Когда делаешь ремонт своими руками, каждое изменение входит в интерьер медленно, аккуратно вписываясь в новый образ дома. Но совсем другое дело – войти в дом, где для тебя все изменилось в одну секунду! Это было незабываемое чувство. Внутренняя пустота домадохнула на меня запахом свежей краски и новых полов из экологически чистого ламината. Светло-бежевые стены идеально сочетались с деревянными элементами интерьера, массивными перилами, окаймляющими широкую лестницу на второй этаж, и кухней с тяжелой каменной столешницей.

Так началась моя вторая жизнь в Пасадене 4 февраля 2016 года. Так началась новая история Адама Ласки, или, как меня называли на кафедре, доктора Ласки, с ударением на последний слог.

Глава 3

Гассмано

Патрик Гассмано прошел по коридору в половине седьмого вечера и, свернув в одно из многочисленных ответвлений, остановился перед хорошо знакомой дверью собственного кабинета. Запах табака еще пробивался из узкого просвета внизу, но это его не волновало. Он прислонился лбом к деревянной поверхности двери и постоял так какое-то время, собираясь с мыслями.

Его заботило не само дело Октября, а те факты, которые несколько часов назад выложили перед ним эксперты. Всю свою жизнь Гассмано уделял мелочам самое пристальное внимание, пытаясь всегда проникнуть в их суть, а уже потом, когда белых пятен не оставалось или их было совсем немного, раскладывал все по полочкам.

В десятом классе Патрик уже знал, что будет работать в ФБР, и с тех самых пор работа фактически заменила ему и семью, и друзей. Однажды отец нашел у него под кроватью коробку, но был удивлен, когда там оказались не пошлые журналы, а досье на всех одноклассников. Фотографии, описание характера, привычки и предпочтения в еде. Это были плоды серьезной работы, и старшему Гассмано хватило ума не устраивать взбучку, а отдать сына в спортивную секцию. Два года службы в ВВС, потом академия и десять лет работы в Вашингтоне. Нельзя сказать, что Патрик добился быстрых результатов, но тем не менее шел к цели упрямо и уверенно. А цель была простой – возглавить одно из управлений ФБР к шестидесяти годам, ни больше ни меньше.

Теперь на пути Гассмано стоял только Октябрь, несомненно бросающий тень на его послужной список. Он гоняется за призраком не один год, а Октябрь продолжает отправлять в морг ФБР трупы, и ни одной хоть сколько-нибудь стоящей зацепки, ничего. Патрик открыл дверь и, войдя в прокуренный кабинет, открыл окно.

В последнее время он стал больше курить, но ничего не мог с собой поделывать. Пресс-конференции, репортеры – все это не для него. Он прекрасно разбирался в людях, однако долг обязывал его быть не просто политкорректным, но и учтивым с этой толпой, жаждущей сенсаций и разоблачений.

Как-то раз, стоя перед телекамерой, Патрик задал себе вопрос: смог бы он назвать хоть кого-то из окружающих его людей другом? Смог бы, например, встретиться с этим мужчиной в белой рубашке, с умными глазами и отбеленными зубами вечером в обычном баре? Ответа не было. Часто он представлял себе, как эти люди живут, как общаются с женами и мужьями, как делают уроки с детьми и о чем говорят за ужином. Он изо всех сил пытался увидеть в них людей за ширмой колких вопросов и витиеватых фраз.

Сколько они готовы были отдать за ту информацию, что лежит сейчас на его столе? Октябрь... Он не убивал жертв сам, не душил и не резал. Эксперты сошлись в одном: он просто оставлял их в тихом месте, как случилось вчера. Октябрь оставил девушку в брошенном вагончике в районе Равенны, севернее Лос-Анджелеса. Случайный турист наткнулся на нее вчера, хотя, судя по трупу, тело находилось там уже несколько месяцев и лишь чудом его не растащили дикие животные. Но результат вновь нулевой. Никаких следов токсинов или ядов, просто умерла, сидя за столиком перед разбитым окном вагончика, как дряхлый старик в собственном доме.

На дорожных камерах наблюдения ничего, Октябрь выбирал места тихие, куда можно было подъехать незамеченным, а потом – так, по крайней мере, думал Патрик, – шел пешком. Жертва покорно следовала за ним, и это ни разу не привлекло к себе никакого внимания. Никто не сообщал о вырывающейся из лап ублюдка жертве, о ругани или других беспорядках.

Она шла покорно, покорно оставалась в заброшенном вагончике или на лавочке в парке, как случилось в прошлом октябре, а потом... Потом, словно в знак благодарности своему похитителю, тихо умирала.

Создавалось ощущение, что жертву убивал сам разрыв с Октябрем, и она просто не могла жить без него, отчего сердце переставало биться, а легкие отказывались раскрываться навстречу новому глотку воздуха. Эксперты в очередной раз провели десятки тестов, взяв на анализы костный мозг, остатки плоти и черт их знает, что еще, но ничего! Он опять сделал это безнаказанно, опять убил, и у ФБР нет ничего...

Глава 4

Адам Ласка. Встреча

Я хорошо помню тот день, когда увидел ее после возвращения из колледжа. Сказать по правде, та встреча была неожиданной, ибо я внутри себя уже давно закрыл все двери и забил крест-накрест окна, стараясь навсегда вычеркнуть этот образ из головы. Это было 14 февраля 2016 года. Ласковое оранжевое солнце карабкалось к вершинам гор на севере, ветер, словно решив не спешить портить прически влюбленным девушкам Города ангелов, утих после ночного раздоля, а со всех радиостанций сыпались поздравления и лилась медленная романтическая музыка.

Несмотря на то что я давно привык просыпаться один, от всей этой трескотни на сердце царило легкое ощущение праздника и причастности к огромному городу, связавшему людей через телефоны и радиоприемники. Тем утром я наконец-то решил заняться обустройством заднего двора. Установил верстак и закрепил на одной из сторон кронштейн для токарного станка. Сам станок ожидал своего часа в мастерской, расположившейся в бывшей бильярдной. В очереди на обустройство была зона отдыха и барбекю, хотя это скорее походило на привычный для любого русского обывателя мангал. Место для его установки было уже готово, небольшой пятачок, вымощенный камнем, рядом с забором и всего в трех метрах от будущей бани, точнее крытой террасы перед ней. Я с умным видом изучал инструкцию по сборке мангала, задумчиво пожевывая хвост простенькой сигары и выпуская в небо клубы ароматного дыма, когда услышал ее.

– Привет! – Голос раздался откуда-то сзади, и мне пришлось обернуться, чтобы увидеть собеседника.

– Что, простите? – Я машинально ответил вопросом на вопрос.

Калитка, ведущая к соседям, устроенная всего в шаге от барбекю, открылась, и передо мной предстала она. Милая девушка двадцати трех лет. Впрочем, слово «милая» тут не совсем уместно. Слегка вздернутый нос, взлохмаченные волосы... Я бы сказал, дерзкая бунтарка, хотя внешний вид Алисы мало отличался от внешности средней студентки.

Из-под пряди черных волос на меня изучающе смотрели большие кофейные глаза, которые, как мне всегда казалось, улыбались независимо от мимики лица и настроения хозяйки. Острый подбородок, выразительные молочно-розовые губы, не сухие, а, наоборот, наполненные сочной влагой здоровья и сексуальности. Ладони вставлены в узкие карманы джинсовых брюк, от чего локти причудливо топорщились в стороны. Алиса напомнила мне стилиягу из советских семидесятых.

Тонкая и хрупкая талия, чуточку узковатые бедра, что, впрочем, выглядело вполне гармонично, учитывая возраст и рост. Грудь, слегка заостренная, предательски оттягивала белую футболку, отчего соски безошибочно угадывались заскучавшим по женскому вниманию взором.

– Вот, решила поздороваться, – весело продекларировала Алиса, разглядывая меня без особого стеснения.

– Да, привет, – ответил я и протянул ей руку.

Ладонь оказалась прохладной, и по неведомым мне причинам по спине поползли десятки мурашек. Не задумываясь о том, как это выглядит со стороны, я поднес открытую ладонь к лицу и вдохнул полной грудью. Кокос и чуть более острая нотка цитрусовых, восхитительное сочетание теплоты и свежести.

– Ох, извини, я только что натерла руки кремом, – заметив мой жест, проговорила Али. – А у тебя тут миленько. Барбекю, инструменты и новый теннисный корт!

Последние два слова она произнесла с особой интонацией, вроде подчеркивая удивление и собственную невнимательность. Ведь она могла видеть его из окна второго этажа, несмотря на пышную и раскидистую крону дерева, возвышающегося над крышами.

– Корт, да, – только и сподобился я, не отводя глаз от ее тонкой шеи, покрытой гусиной кожей. – Я просто обновил разметку, ну и сетку новую натянул, а так он в порядке.

– Пригласишь поиграть?

– Что? – зачем-то переспросил я, но тут же попытался вернуться в русло разговора. – Нет, то есть когда играю, да, приходи, да...

– Я очень хочу попробовать, – громко сказала Алиса, пробуя пальцами силу натяжения теннисной сетки. – Адам! Твой акцент, он почти исчез, это же круто!

– Общение со студентами делает свое дело. – Я пожал плечами, словно был виноват в этом.

– Ты, случайно, не женился? Мама что-то говорила, но не помню, насчет тебя или дяди Фрэда... Я это к тому, что... не хочу, чтобы твоя жена подумала, что я тут... заигрываю. Просто это прикольно, вернуться вот так... у меня снова будет сосед, с которым можно поболтать вечером, выпить чего-нибудь и все такое, – стараясь выглядеть взрослой, объясняла она.

– Нет, я живу по-прежнему один, так что...

– Отлично! – выпалила она, но тут же поправила себя: – В смысле, может, это и не так, но я рада, что мы снова сможем видеться, да?

– Конечно, Алиса. – Я постарался изобразить улыбку.

Рассказывать повзрослевшей Алисе про развод и бывшую жену совершенно не хотелось, пусть буду простым холостяком. Более того, после почти годичного отсутствия хоть каких-то отношений со слабым полом я был рад этой встрече и изучал Алису буквально по миллиметру, от туго обтянутых джинсами бедер до мочек ушей, еле скрытых короткими волосами. Она, в свою очередь, отвлеклась от теннисной сетки и с интересом рассматривала меня.

В ее взгляде читалось любопытство. Сейчас она видела во мне русского, с новым и навязанным за прошедшие годы интересом и осторожностью. Казалось, она пытается представить меня в ушанке, с «Калашниковым» за спиной и бутылкой водки в руке. От этих мыслей стало противно, словно меня выставили за стеклом в зоопарке с позорной вывеской «Русский мужик, подвид обыкновенный». Эта перемена понятна. Колледж промыл мозги или кто-то в студенческой компании дал определение русскому человеку. Теперь я подвергаюсь в ее чудной головке тщательному анализу и оценке.

– Предлагаю обменяться телефонами на случай пожара, наводнения или нашествия пришельцев, – предложила Алиса, извлекая из заднего кармана «яблочный» смартфон золотистого цвета.

– Нет проблем, записывай. – Я продиктовал номер и как будто невзначай проронил: – Пиши, если что, буду рад.

– Отлично, – улыбнулась Алиса, обнажив белые зубы.

Мы обменялись еще одним рукопожатием, и она выскользнула в калитку.

– Ладно, Адам, мне пора, рада была увидеть тебя, – пробормотал я сам себе, будто бы сочиняя текст для книжного диалога, который кажется писателю логически незавершенным и требует доработки.

Поднеся ладонь к лицу, я вдохнул ее аромат еще раз. Сколько простоял так, в немом оценивании, прежде чем вновь приступил к сборке мангала, не помню. Она вернулась, Алиса здесь и собирается жить в доме Вирджинии! Значит, моя надежда избавиться от этого ангела-искусителя провалилась. Полузабытые чувства вновь разгорались внутри и были готовы вырваться наружу с прежними эмоциями. «Нет, я справлюсь!» – твердил я себе, вслух или про себя, не помню, как точно, но повторял и повторял, скручивая железные гайки и сцепляя металлические замки в виде скоб вместе. Мой персональный ад все же настиг меня...

Помню, какими корявыми получались мои собственные фантазии о ней. Стоит ли говорить, что я любил образ, а не человека, образ, дорисованный мною и украшенный знакомыми и привычными чертами? Тут все не так плохо, как может показаться. Мне скоро сорок, но советская школа, нормативы, привычка есть с оглядкой на то, что именно попадает в рот, сохранили меня в неплохой форме. С виду обычный мужчина, роста чуть выше среднего, каштановые волосы, серо-голубые глаза, ямочка на подбородке, доставшаяся от матери, и правильные черты лица. Может, нос чуть крупноват, но на общем фоне в глаза не бросается. Из явных отличий только шрам на подбородке, короткий порез, почти незаметный за вечной щетиной, и небольшое рассечение на левой брови, полученное еще в юности по бытовой неосмотрительности.

Какой она стала теперь? Изменилась ли? Повзрослела или осталась той же девчонкой? Сможем ли мы и сейчас дышать одним воздухом и становиться одним целым? Этого я пока не знал, и именно это меня пугало...

Глава 5

Линдси

Этот момент всегда напоминал ему чистку форели. Она еще жива, но это ровным счетом ничего не значит для человека. Он чувствует биение холодного тельца под пальцами и лишь сильнее прижимает рыбу к разделочной доске. Потом надрез ближе к голове и обычная монотонная работа. Никаких эмоций, просто процесс.

Но пока он лежал в старом изорванном спальнике на тротуаре и старался сдержать дрожь в руках. Возбуждение, какое бывает с ним в подобные моменты, редкий гость на праздничном столе. И человек наслаждался этими утренними минутами одиночества. Все случится здесь, и он наконец станет обладателем трофея! Линдси, такая гордая, такая сильная и независимая, станет его, целиком, от кончиков волос до последних минут жизни.

Он изучил ее привычки, узнал секреты и тайны, теперь эта рыбка не уйдет из сетей. Вскоре она выйдет, с привычным рюкзаком за спиной, и, включив музыку на смартфоне, начнет пробежку по тихим улочкам в сторону своего дома. Так Линдси сэкономила на такси и поддерживала себя в форме. Такая крепкая и спортивная добыча впервые станет гостьей, и человек уже предвкушал ее безупречные бедра под своими пальцами. «Осталось немного, совсем чуть-чуть», – подумал он, сцепив дрожащие пальцы рук у лица и выдыхая в ладони теплый воздух.

Выше по улице шелкнул замок и послышались шаги. В утренней тишине он различил музыку, которая уже звучала в наушниках. Человек натянул перчатки из рыжей кожи, составленные им специально для этого действия с помощью пыли и дорожного покрытия, и медленно сел, откинув полу спальника.

Флакон духов был готов, и, когда девушка медленно пошла вниз по улице, все еще глядя в экран смартфона, он вырос перед ней, преграждая дорогу. Грязная рубашка поверх черной футболки, джинсы, купленные на барахолке в Даун-Тауне, борода с остатками пищи и щедро политая дешевым виски.

– Эй, красотка, духи, Франция, всего десять баксов, – зашептал он и, не дожидаясь ответа, нажал на распылитель.

Ароматное облако дорогих духов окутало лицо Линдси, и та невольно отшатнулась.

– Спасибо, спасибо, не надо. – Она выставила перед собой ладони, и, стараясь не приближаться, начала обходить человека по проезжей части.

– Нет проблем, нет проблем, – заскрежетал он хриплым голосом, пряча флакон в карман. – Мне неприятности не нужны, просто доллар или два, вот и все!

Но девушка уже удалялась от него, вернувшись вновь на тротуар. Он видел ее упругий зад, видел спину и острые локти, ритмично рассекающие воздух. Через три минуты он догонит ее – рядом с парком у частной школы Вуди Керна, но надо торопиться. Человек быстро сгреб спальник в мусорный пакет, закинул его на заднее сиденье серебристого седана, затем достал из багажника бутылку с отбеливателем и щедро полил тротуар в том месте, где лежал спальник. Сев в машину, он отъехал от дома и уже на ходу стянул грязную рубашку и сорвал с лица наклеенные бороду и брови. Стараясь не отвлекаться от дороги, человек приклеил вместо бороды усы и, мельком глянув на себя в зеркало заднего вида, надел солнечные очки. Этого хватит.

Он нагнал ее рядом с парком, как и рассчитывал. Линдси одной рукой держалась за бок, а другой опиралась на дерево, пытаясь понять, что с ней происходит. Человек припарковал машину, брызнул на шею и на запястье из флакончика и, схватив с соседнего сиденья бутылку с водой, направился к Линдси. Мимо проехала пожарная машина, ниже по улице прогуливалась

дамочка в желтом спортивном костюме с мопсом на длинном поводке. Еще немного, и город проснется. Улицы наводнят люди, забурлит жизнь, но пока этот богатый район в пригороде спит и видит последние радужные сны.

– Мэм, вам плохо? Мэм? – проговорил человек, приблизившись к Линдси.

На ее коже проступил глянec от пота, топик явно стеснял дыхание, и она не сразу обратила на него внимание.

– Может, воды? – Он протянул ей уже открытую бутылку, нарочно сдавив ее, чтобы вода заструилась по пальцам.

– Да, пожалуй. – Тяжело дыша, она взяла бутылку и сделала пару глотков.

Ей тут же полегчало. Она пошевелила ступней, уперев носок в землю, и поняла, что то онемение, которое так испугало ее, стало проходить. Линдси посмотрела на человека и постаралась улыбнуться, в знак благодарности.

– Я врач, у вас, кажется, приступ, обезвоживание, дело обычное, но лучше повременить с пробежкой. – Человек говорил быстро, стараясь заглянуть ей в глаза. – Давайте-ка я подвезу вас до дома, так мне будет спокойнее...

Голова Линдси шла кругом, и она не могла сосредоточиться. Человек что-то говорил, она поняла, что он врач, он помог ей и хочет довести до дома. Вот его рука прикасается к запястью, и он увлекает ее за собой, как в детстве Билли Чейз таскал ее к песочнице, чтобы показать очередную песочную башенку. Она безвольно идет следом, ждет, пока откроется дверь машины, садится в кресло. Человек обходит машину, садится рядом, затем тянется рукой под кресло, что-то тянет вверх и отпускает. Линдси чувствует укол, похожий на прививку, и на секунду ее сознание вспыхивает.

– Что это было? – Она резко запускает руку между сиденьем и ногой и с удивлением изучает капельку крови на пальце. – Это же...

В следующий миг она пытается выскочить из машины, сама не понимая почему, но где-то внутри себя осознавая, что с этим доктором не все в порядке. Она хватается за ручку, но тут же понимает, что ее нет. Она не может открыть дверь изнутри. Человек бесцеремонно хватается ее за шею и с силой наклоняет вперед. Линдси хрипит, от ужаса из горла вырывается некое подобие мычания, а хватка все сильнее. Человек бесцеремонно бьет ее по голове, еще раз и еще, пока мир вокруг не исчезает и не наступает черное ничто...

Глава 6

19.02. Пятница

Все те дни я спал в гостевой спальне первого этажа, ожидая, когда привезут кровать в мою комнату. Как оказалось, ночевать там довольно удобно для холостого мужчины, заказывающего доставку ужина на дом. Кухня рядом, до телевизора и мастерской рукой подать. Помню, тогда мне особенно понравились панчетта и «цезарь» с настоящим соусом, золотистым от яичных желтков и с ярким вкусом пармезана. Панчетта, отдаленно напоминающая привычное сало с внушительной прослойкой мяса, отлично подходила для употребления с хлебом либо для жарки с картофелем.

Каждый вечер я покупал хрустящий хлеб в «Торро Бьелле» и по дороге домой обязательно съедал румяную корочку, запивая холодным и жирным молоком. Такое действие дарило неописуемую радость победы над почти забытой детской проблемой – принести домой целый и невредимый хлеб. Я хорошо помню, как меня, тогда еще пятилетнего ребенка, отчитывали за то, что я уминал корочку, пока возвращался домой! А теперь я мог делать это осознанно и безнаказанно прямо здесь, в Пасадене, где никому нет до этого дела и никто не обращает внимания на радостного мужчину, жующего хлеб в тени старого апельсинового дерева.

Помню я и первую ночь, проведенную в спальне второго этажа. Обычная ночь с россыпью звезд и еле уловимым запахом океана, который угадывался при каждом порыве прохладного ветерка. Уставший после долгой работы в мастерской, я поднялся наверх, чтобы без промедления рухнуть на новую кровать, но тут же замер посреди темной комнаты, внезапно осветившейся светом из окна напротив. Алиса! Ее комната! Она переехала в родительскую спальню, шторы которой всегда были плотно задернуты, поэтому я совершенно забыл, что за черным зевом окна напротив вообще существует жизнь.

Теперь же окно было открыто, и лишь слегка сдвинутые полупрозрачные занавески, будто сонные веки, виднелись в нем. Захваченный видом ее спальни, я стоял не шевелясь, разглядывая то, что так хотел увидеть воочию. Кровать, точнее часть кровати, за ней шкаф с зеркальными дверцами, в которых отражается вся спальня, даже невидимый мне уголок с маленьким столом и полкой с иконами и лампадкой из кровавого стекла в позолоченной оправе.

В следующий миг дверь у изголовья кровати, которую я не заметил сразу, открылась и из нее вышла Алиса, обнаженная, покрасневшая после горячей ванны. Ее шоколадная кожа теперь отливала благородной и начищенной до блеска бронзой. Я впивался глазами в каждую впадинку ее легкого тела, любясь вздымающейся вслед за руками грудью, точеной и похожей на молодое яблоко, так что внизу, где обычно бюстгальтер подхватывает ее, нет даже намека на складочку.

Она стояла перед зеркалом, вобравшим в себя весь ее образ, а я ловил взглядом все изгибы, такие близкие и такие желанные в этом ночном моем одиночестве. Всего несколько метров отделяло меня от теплоты ее кожи, но эти метры были длиною в целую жизнь. Я стоял как вкопанный, пока в ее окне не погас свет и Алиса, оставаясь полностью нагой, не порхнула под легкое одеяло. Только тогда я смог сдвинуться с места, хотя еще долго лежал, вспоминая увиденное и раз за разом в мыслях прикасаясь к ней, к этой коже цвета молочного шоколада с отливом спелой бронзы.

Глава 7

Барбекю. 20.02. Суббота

Субботнее утро началось позже обычного. Вскочив с кровати, я глянул в окно в надежде увидеть Алису. Но, к моему разочарованию, утреннее солнце сделало окно самым настоящим зеркалом, за которым невозможно разглядеть ровным счетом ничего.

Позавтракав яичницей и чашкой кофе, я облачился в белую футболку, черные спортивные шорты и прямо босиком направился к незаконченной фигурке садового гномика. Сегодня я планировал вырезать глаза и бороду, придав им объемность. Стоит ли говорить, что я то и дело посматривал то на дверцу в зеленом заборе, то на заветное окошко? Каждую минуту мое волнение по поводу встречи с Алисой только нарастало, и я понял, что лучше включить спокойную музыку, пока не порезал руки острыми инструментами. Задний двор плавно залила тихая мелодия. Такие обычно называют музыкой для сна, но и для работы с ножом, режущим упругую древесину, вполне сойдет.

После обеда дошла очередь до будущей бани, в которой требовалось навести порядок перед приходом строителей. Я подключил к телефону беспроводные наушники, настроил местное радио, где крутили самую разную музыку, и вскоре уже пританцовывал и подпевал, если песня оказывалась знакомой.

Ближе к вечеру поставил разогреваться гриль, работающий на газу. Алиса появилась неожиданно, когда я выкладывал первую порцию колбасок на раскаленную решетку. Она тихо открыла калитку и, просунув голову в щель, прошептала голосом обиженной девочки:

– Не помешаю? Мне ужасно скучно и сидеть одной совершенно не хочется.

– Нет, конечно. Заходи на огонек! – Я по-добрососедски поманил ее к разогретому грилю.

Али вошла. Облегающие черные шорты и темно-синяя футболка с открытыми плечами. Хорошо помню этот ее наряд. Она носила его еще до отъезда в Нью-Йорк. От этого вида веяло чем-то домашним и обыденным, что заставляло думать о семье и спокойной, размеренной жизни. Я обратил внимание на ее лицо, на котором появились заметные темные круги под глазами, а губы казались сухими, словно она долго скиталась по пустыне.

– Пиво? – предложил я.

– А есть что-нибудь покрепче? Пиво не люблю. – Она сморщила носик и изобразила гримасу брезгливости.

К моему стыду, у меня в холодильнике была только водка. Всем ненавистникам постсоветского пространства, как говорится, для злых ухмылок. А самое интересное в том, что мои запасы хорошей водки пополняли новые американские друзья и знакомые. Теперь на все праздники и торжественные события мне непременно старались подарить водку, считая, что именно этот чисто русский напиток придется как нельзя кстати. Хотя я предпочитал пиво и виски с ледяной крошкой и небольшой порцией карамельного сиропа, доказать это моим новым друзьям было невозможно.

Алиса решила обойтись соком и порцией горячих колбасок, устроившись за небольшим столиком рядом с грилем. Ароматный дымок от капающего жира струился по заднему дворику в сторону теннисного корта, обволакивая все ароматом прожаренного мяса. Солнце катилось к горизонту, касаясь его своей ослепительной короной и разукрашивая фасад второго этажа в оттенки оранжевого цвета.

– Научишь меня какому-нибудь русскому слову? – спросила она, макая последний кусок колбаски в соус.

– Конечно, а на какую тему?

– Ну не знаю, что-нибудь красивое и такое, чтобы я могла хвастаться перед друзьями. – Она отставила тарелку и задумчиво добавила, состроив гримасу карикатурного мафиози: – Или что-то крутое, чтобы все боялись. Знаешь, как в кино, когда русский с пистолетом и бутылкой водки пристает к красивой официантке...

Такое описание русских и такой взгляд Голливуда на образ великого народа вызывали во мне не просто злость, а скорее ярость. Я, конечно, понимал: образованная часть американцев отлично знает, что это лишь усиленная кинообразность, по которой можно определить русского, но помогать Алисе поддерживать этот образ не собирался.

Никогда я не прошу себе, как в конце восьмидесятых и в начале девяностых сам ругал все, что делалось в стране, называя это «совком». Ругал продукты, политиков, одежду, которую продавали нам обрусевшие китайцы на толкучке. Вместо того чтобы начать с себя, ждал, что кто-то наверху или в крайнем случае со стороны станет исправлять ситуацию. А потом понял, что начинать надо с себя и с молодежи, которая завтра сменит таких, как я, и будет руководить страной.

– Мы с тобой одной крови, ты и я, – повторил я заученную в детстве фразу из известного мультфильма и тут же перевел на английский.

– Это красивая или грозная фраза? – поинтересовалась она, пытаясь произнести первые несколько слов.

– Это универсальная фраза. Если ты скажешь ее русскому человеку, то он непременно отнесется к тебе чуть теплее и, скорее всего, выручит, случись с тобой беда.

– А откуда она? – Алиса закуталась в полотенце и втянула голову в плечи.

– Так говорил герой Киплинга, Маугли, когда ему встречались дикие звери в джунглях. После этой фразы мальчика уже не хотели съесть, а зачастую даже помогали ему.

– Русские сравнивают себя с дикими зверями? – Она с любопытством прищурилась и вопросительно посмотрела на меня.

– Скорее так русские пытаются объяснить другим, особенно тем, кто потерял человеческое лицо, что они все-таки люди и вести себя надо по-людски.

– Круто, теперь я знаю секретный пароль и могу запросто общаться с русскими! – Она хлопнула в ладоши и тут же, приуныв, попросила повторить фразу.

Я повторил и сделал это еще несколько раз, прежде чем у Алисы получилось сказать ее целиком.

– Как у тебя на личном фронте? В прошлый раз ты выглядела совсем разбитой... – поинтересовался я, словно между делом.

– Пустяки, Адам, уже отболело, мало ли дураков на земле?

Она говорила с улыбкой на губах, но глаза... Ими соврать куда сложнее. Обычно смеющиеся, при этих словах они вновь сделались серьезными и задумчивыми.

– Расставание всегда болезненно, Алиса. Людям свойственны привязанность и банальная привычка, но со временем это проходит. – Я попытался произнести это на все той же мажорной ноте, и у меня почти получилось.

– Не хочу сейчас говорить об этом...

– Нет проблем! – напустив наигранное безразличие, ответил я.

– Мы с тобой одной крови, ты и я, – проговорила Алиса. – Спасибо за вечер. Я, наверное, пойду.

– До свидания, Алиса. – Я взял из ее рук полотенце, и на секунду наши взгляды встретились, как часто бывает при неловком расставании, когда каждому остается что сказать, но никто не решается этого сделать.

Бриджид, моя милая Бриджид... Помню, как она заинтересовалась этой самой фразой, которой я научил Али, и просила меня объяснить ей подробнее, что именно я вкладываю в это понятие. Я говорил, вспоминая что-то из детства, рассказывая, как мы играли в индейцев и

каждый стремился быть непременно самым главным, а она водила золотым пером по глянцевой бумаге, глядя на меня поверх очков. Перо изредка поскрипывало, когда Бриджид размашисто выводила английскую «y» или «b», а я пытался понять, что искала тогда в моей компании Алиса, упрямо приписывая ее желаниям чувства, которых, быть может, она и не испытывала.

Обсуждали мы и тот вечер, теплый и по-своему памятный для меня. Я вспоминал, как она смеялась, громко и звонко, и смех этот разлетался над крышами окрестных домов, будто сообщение, что здесь и сейчас есть двое людей, которым очень хорошо в эту минуту. Это осталось в памяти, как время, когда человек, в особенности влюбленный, находится в состоянии ожидания некоего ответа, который с каждым днем все больше видится ему как долгожданное «да».

Глава 8

Электрический урок

Пробуждение было не самым приятным. Вначале вернулась боль... Линдси казалось, что к ее голове прикладывают два только что отваренных яйца. Она покрутила головой, прежде чем открыть глаза и увидеть место, где она оказалась. «Этого не может быть», – подумала она, но картинка, стоявшая перед глазами, никуда не исчезла. Линдси пошевелила пальцами и поняла, что руки лежат на подлокотниках массивного кресла, но вот опустить голову вниз, чтобы как следует разглядеть собственные ноги, у нее не получилось. Ошейник немного перекосило, и он упирался в подбородок, не давая ей свободно крутить головой.

Испуг сменился приступом паники, губы сжались. Готовая расплакаться и забиться в самой настоящей истерике, она попыталась вскочить на ноги, но тут же ее буквально оглушило. Шею свело, электрический капкан окутал каждое мышечное волокно и на мгновение выкрутил его, как отстиранное белье.

– Ты делаешь то, что я говорю, – прошептал голос за спиной, – если ослушаешься, урок боли тут же повторится, это понятно? Кивни!

– Кто вы, что вам нужно? – выкрикнула Линдси, выкручивая руки, притянутые к подлокотнику стальными обручами.

Боль тут же сдавила шею. Мир на мгновение померк, а когда волна спала, она ощутила, как горячий поток мочи согрел ягодицы.

– Кивни, если поняла! – повторил голос.

Злость и отчаяние не давали Линдси оценить происходящее, и, вытянувшись вверх, насколько это позволяли сделать стальные путы, девушка закричала в исступлении, выплескивая эмоции. Она – тот центр мира, вокруг которого вершатся судьбы людей, она – спортивная и обаятельная, с грандиозными планами на следующие тридцать лет – только что обмочилась на глазах у какого-то психопата! «Нет, это не может быть правдой, не может!» – кричал ее внутренний голос...

Очередной разряд был куда длиннее предыдущих, и теперь мир погрузился во тьму полностью. Стерлись звуки, исчезли переживания. Она вновь стояла на том самом тротуаре со Стиви. У нее длинные волосы, и она говорила ему правду, самую настоящую правду, о себе, о прошлом, о будущем и, конечно, о нем. Ей хорошо от этого, правда исцеляет, спасает из болота постоянных недомолвок и лжи... И это хорошо, так хорошо говорить ее, эту правду, так просто!

Глава 9

Трудно не смотреть. 28.02. Воскресенье

В воскресенье я собирался заняться домашними делами. Накопилась стирка, недовольно урчал опустевший холодильник, и дом буквально молил о генеральной уборке. Я уже привык жить как холостяк и не задавал риторический вопрос, откуда появляется в туалете бумага, но процесс стирки и глажки до сих пор вызывал внутри чувство мужского протеста. А самые трудоемкие и неприятные задачи на потом лучше не оставлять.

Стиральная машинка, радостно звеня забытой в кармане мелочью, начала разбег, и я с чистой совестью отправился в ближайший супермаркет пополнить запасы. Не хотелось заниматься этим в субботу, а на выходных я решил готовить исключительно на огне. Для этого ветчина не подойдет.

Когда с домашними делами было покончено и последний пакет с мусором отправился на крыльцо, я сделал стакан апельсинового сока и уселся в библиотеке на втором этаже, где из окон был виден задний двор Алисы, с бассейном и зоной отдыха. Я листал какую-то книгу, когда краем глаза заметил движение за окном.

Не отдавая себе отчета, словно во сне, отложил книгу и, приблизившись к окну, впился глазами в столь долгожданный образ. Алиса, одетая в облегчающие спортивные шорты и свободную белую футболку с изображением розовой бабочки над левой грудью, расстелила на траве коврик для занятий йогой и, надев большие белые наушники, принялась растягивать мышцы, делая наклоны, глубокие выпады и скручивания. Ее налитые спелые бедра над фисташковой травой в лучах полуденного солнца манили и будоражили.

В сторону моего дома она не смотрела, полностью поглощенная музыкой и собственным телом, а я завороченно наблюдал, как белая футболка скатывается и задирается при глубоких наклонах, обнажая спину. Ее загоревшая кожа напоминала горький шоколад, такой же насыщенный оттенок с маслянистым блеском вспотевшей кожи. Всего за пару дней, которые я не видел Алису, она успела вернуть яркость и чертам лица. Суховатые губы теперь налились розовым блеском, глаза казались еще более яркими, словно неизвестный художник наконец-то прорисовал все контуры на любимом портрете.

Алиса тем временем села на шпагат и, потянувшись вперед, легла грудью на траву. Гибкость ее тела поражала воображение, она могла принимать самые причудливые позы йоги с удивительной легкостью, будто ее суставы не имели ограничений на растяжение или сжатие. Полежав так немного, она села и, закрыв глаза, превратилась в умиротворенную древнюю богиню. Я вспомнил про фотоаппарат и бросился вниз.

Мне хотелось сфотографировать Али, чтобы потом я мог увидеть это прекрасное тело в любой момент. Я знал, что это неправильно, знал, что за эти снимки меня можно обвинить в преследовании и вторжении в личную жизнь, но я ничего не мог с собой поделать. Дрожащими руками я сменил объектив на своем «Кэнон» и, подойдя к окну, с облегчением выдохнул. Она все еще сидела на коврике, улыбаясь каким-то своим мыслям. Щелк.

Я приблизил ее изображение, повернув кольцо на объективе, и Алиса заняла почти весь кадр. Щелк. Приблизил еще и, сам стыдясь собственных мыслей, поймал в кадре ее широко расставленные бедра и сведенные вместе ступни, над которыми виднелись свисающие с пояса черные пластиковые кругляшки завязок, будто указывающих на то место, куда так тянулся взгляд моей камеры. Тянулся мой взгляд. Щелк.

Словно в пьяном бреду, я отошел от окна, когда Алиса, оставив коврик на траве, скрылась из вида. Я вернулся в огромное черное кресло посреди библиотеки и залпом осушил стакан приготовленного сока. Идиот, идиот и мальчишка, ругал я себя, хотя и сам не верил этому. Я

наслаждался каждой секундой наблюдения за ней, и признавать это было тягостным чувством. Может, дело в том, что у меня давно не было серьезных отношений, а может, причина в том, что я понимал: наша разница в возрасте делает ее практически недоступной для меня?

Чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей об Алисе, я решил вернуться к заготовке деревянного яблока, которое таскал всегда с собой в рабочей сумке. Когда в голову лезут дурные мысли, лучше занять руки, нежели искать ненужные приключения. Резьба по дереву в этом плане сильно походила на рыбалку. Когда подолгу смотришь на кивок или поплавков, то погружаешься в подобие гипнотического транса, как во время медитации, когда нет мыслей, нет переживаний, есть только ты и этот миг в бесконечном веере мгновений.

Я спустился в столовую, достал из сумки деревянное яблоко и футляр с маленьким резцом по дереву, похожим на хирургический скальпель с деревянной ручкой. Повернув яблоко, разделил его на половинки, и на стол упал свернутый до небольшого квадрата рисунок. Эскиз того, что должно получиться, когда я закончу работу. А получиться должно деревянное яблоко-шкатулка молочного цвета, все покрытое одинаковыми мелкими ромашками. Удивительно тонкая работа московского резчика по дереву, которую я безуспешно пытался повторить уже несколько лет, выбрасывая испорченные заготовки в коробку.

Я включил свет над кухонным столом и склонился над шкатулкой, снимая тонкие полоски податливого дерева, словно хирург, удаляющий мертвые ткани. В итоге удалось сделать еще пару цветков, когда я понял, что устал и пора менять занятие. Часы показывали половину восьмого, и последние отблески дня еще горели в облачном небе. Я решил, что самое время открывать купальный сезон. Быстро разделся и голышом направился напрямик к бассейну. Не растягивая сомнительное удовольствие погружения в воду, я с размаху обрушился в водную гладь, как и собирался, бомбочкой. Брызги полетели во все стороны, замочив новый мангал и стулья. Я завывал, кричал от удовольствия, бросая тело от борта к борту мощными толчками и наслаждаясь прохладной водой.

Только спустя полчаса, когда я развалился на прохладном лежаке, чтобы немного обсохнуть, мои мысли сами собой вернулись к ней. Глаза отыскивали знакомое окно, край которого виднелся из-за ветвей разлапистого дерева, и я заметил, что в этот миг дымчатая штора качнулась, принимая естественное положение. Это была Алиса. Мне стало не по себе оттого, что кто-то наблюдает за мной, хотя несколько часов назад я делал то же самое.

Вечером я заметил, как она наблюдает за мной из чернеющего пространства окна. Она была там, я знал это, видел еле заметное движение и волнение штор. Я изо всех сил старался вести себя естественно и не обращать внимания на нее, но сделать это было куда сложнее. Мне почему-то казалось, что задернуть шторы – значит выдать себя тем, и я старательно обходил окно стороной, а из душа выбрался в новых боксерах и с полотенцем на плече, что было не совсем свойственно обычному поведению холостого Адама Ласки.

Я спустился вниз, чтобы предпринять налет на холодильник и выпить чашку чая, когда телефон издал знакомый звук «агу».

«Привет, чем занят?»

Рука сама тянулась к иллюзорным буквам под мерцающим тачскрином, однако я удержался от быстрого ответа, который уже собирался набрать. Почему-то теперь, после того, как я следил за ней через объектив фотокамеры и увидел ее явный интерес к моей личной жизни, чувствовалось некое неудобство перед Алисой. Казалось, я вторгся на чужую, незнакомую мне территорию общения, где такому человеку просто не место.

Включив телевизор и устроившись перед экраном, я принялся за трапезу. «Октябрь, вот кто будоражит умы Америки сегодня! Кто стал его очередной жертвой? Кого мы найдем в тот самый день, когда оранжевые тыквенные фонари осветят американские улицы? Скоро, друзья мои, мы узнаем, кто окажется в инвалидном кресле в канун Хеллоуина», – распинался упи-

танный журналист в белой рубашке, опасно натянутой на огромном животе, как кожа на барабане африканского племени. «Если вы одна из тех семей, где старшая дочурка решила махнуть на Рождество в Калифорнию и еще не вернулась домой, – молитесь! Молитесь усердно, ибо, вполне возможно, это поможет избежать горькой участи жертв Октября!»

Несколько лет, по словам все тех же репортеров, им каким-то образом удавалось вычислять девушек, которых похитил Октябрь, из общего числа пропавших без вести. Иногда на эту незавидную роль претендовали несколько человек, но уже к лету все сомнения отпадали, хотя ФБР упорно отказывалось подтверждать то, что давно долдонили из телевизора...

Я выключил звук и решил вернуться к телефону. Алиса ждала ответа.

«Добрый вечер, – начал я и, чуть поразмыслив, добавил: – Собираюсь спать». Минуту телефон молчал, а я смотрел на темный экран, замерев с чашкой чая в руке и не обращая внимания на порывы прохладного ветра в открытую дверь, ведущую к бассейну. Наконец телефон ожил.

«Не злись на меня, я бываю Буууууу».

Я несколько раз перечитал сообщение, совершенно забыв, что наше последнее расставание было скомканным и поспешным, с тенью некой сумбурности.

«Все в порядке, – быстро набрал я, – просто надо привыкнуть друг к другу».

На этот раз ответ пришел почти мгновенно. Вначале смайлик с розовыми от стыда щеками, а потом и текст: «Надеюсь, ты имеешь в виду наши добрососедские отношения?»

«Да», – коротко ответил я, хотя понимал, что имею в виду совсем иное, то, в чем даже себе признаваться было непросто.

«Ну... тогда ладно!» – ответила Алиса, и сверху экрана отобразилось системное сообщение о том, что пользователь Али больше не в сети.

Было полчетвертого утра, когда меня разбудило громкое «агу». Я лениво потянулся к смартфону не столько из любопытства, сколько с желанием отключить звук, но увидел, что Алиса прислала фото. Сон вмиг улетучился. Сев на кровати, я буквально впился глазами в изображение. На присланном снимке Алиса стояла у металлического поручня, за ее спиной застыли танцующие фигуры, а она смеялась. В кадр попал глубокий вырез блузки, и на влажной от пота коже я увидел прилипшие блестящие фигурки – треугольники, круги и квадраты, напоминающие конфетти.

Ее глаза горели хмельным азартом и весельем, чья-то мужская рука, судя по волосам, обнимала заметно выше талии, а жадные пальцы впивались в левую грудь. Лицо радостное и удивленное, вероятно, от этого неожиданного хватания, но тем не менее она не пыталась, судя по выражению лица, убрать руку нахала, а скорее просто забавлялась в юном кураже дискотеки. Какое-то мгновение я собирался ответить на сообщение, но решил, что скорый ответ посреди ночи выдаст мой излишний интерес. Отключив звук, я попытался уснуть.

Глава 10

Трудные уроки

Это был он, Линдси не сомневалась в этом, Октябрь, так его называли в новостях, он же просил называть себя Вильгельм. Из них она знала, что все жертвы были убиты, спастись никому не удалось. Линдси уже час массировала его ступни, периодически заворачивая их в горячее полотенце, смоченное в ментоловой воде. Вильгельм читал книгу и изредка заговаривал с нею на самые разные темы.

Вначале рассказал, что все, услышанное ею по телевизору, ложь и он многих отпустил. «Просто дал денег, человек я с достатком, и купил билет в Европу!» – говорил он, упирая на какие-то связи в Манчестере и Франкфурте. «Можешь мне не верить, но вскоре я познакомлю тебя с одной из своих бывших... сама увидишь, как она говорит со мной», – бросил он, вздернув подбородок и меняя ногу для массажа.

– Тебе разве плохо, а? – Он перехватил книгу, заложил между страниц указательный палец и, словно средневековым веером, приподнял Линдси подбородок. – Ты делаешь то, для чего лучшим образом приспособлена, вот и все! Уясни это, Линдси, и тебе откроется радость служения...

– Я стараюсь понять, Вильгельм. – Она моргнула и сглотнула, чувствуя, как ошейник уперся в шею.

– Вот и славно. – Он усмехнулся. – Знаешь, обычно они держатся месяц или около того, прежде чем я могу доверить им себя, но ты преодолела предрассудки бытия куда быстрее... – Он оттянул большим пальцем нижнюю губу и посмотрел на зубы Линдси.

– Все хорошо? – проговорила она, ощущая солоноватый привкус его кожи.

– Да, все хорошо, продолжай. – Вильгельм вернулся к чтению.

Руки Линдси горели огнем. Она устала и еле держалась, чтобы не закрыть глаза. Она хотела спать, и все остальное мало ее заботило. Урок она усвоила быстро, делай то, что хочет Вильгельм, и боли не будет. Оставался один вопрос, когда он займется ею всерьез. Комнату с секс-качелями и огромной кроватью она убирала уже дважды, но Октябрь пока не притронулся к ней, не приказал сделать ему приятное или нечто в таком роде, он просто наслаждался массажем и просил готовить еду из поваренной книги, мыть посуду, убирать, стирать и гладить белье.

Она часами молчала, а когда он просил говорить с ним, старалась отвечать коротко. Ошейник быстро научил, что перечить Вильгельму не стоит. Одно слово, один косой взгляд – и боль вернется, выкручивая шею и нагружая сердце. А силы ей нужны, чтобы попытаться сбежать из этого дома. Но теперь, когда он показал ей, как работает яд, надежда на побег таяла с каждым днем. Даже если она убьет его во сне, спастись не получится...

Он оставил ее запертой в ванной комнате на десять минут, а когда вернулся, она могла лишь дышать и шевелить кончиками пальцев. А противоядие – это сам дом, его система вентиляции впрыскивает противоядие в воздух, и только это позволяет ей жить. Октябрь каждый день заправлял систему новой порцией антидота, и случись что с ним, непонятно, как она сможет прожить хотя бы один час! Наручники или веревка не нужны... Он не боялся оставлять на столе нож и не боялся спать в ее присутствии.

На ночь Вильгельм оставлял Линдси рядом с собой, и она спала у изголовья кровати прямо на полу. Она наряжалась в вещи, которые он приносил ей, ночные рубашки, обычное нижнее белье и халаты. Она должна была ходить перед ним и всячески изображать недотрогу. «Прелюдия – лучшее, что есть в акте любви», – любил повторять Октябрь.

Еще он был помешан на чистоте. В ванной комнате вентиляция не работала, и, чтобы не рисковать, Линдси научилась принимать душ за пять минут, хотя в прежней жизни редко укладывалась в час. Вильгельм любил смотреть на нее в душе и часто просил рассказывать ему о прошлом, со всеми интимными подробностями. Вскоре он начал и вовсе требовать от нее спорить с ним, доказывать собственную правоту по тому или иному поводу.

При просмотре новостей Линдси должна была давать оценку увиденному, а утром, когда Вильгельм читал утреннюю газету вслух, ей полагалось обязательно прицепиться к чему-нибудь и начать критиковать! Собственно говоря, он просил ее быть самой обычной Линдси, способной пилить мужика и всячески трепать ему нервы. Это было не сложно, пока она не осознала, чем все это закончится...

Глава 11

29.02. Понедельник

Утро началось с двух чашек кофе и холодного душа. Телевизор исторгал из себя последние новости, и, естественно, по большей части плохие. Сперва шел блок, посвященный политике, где в очередной раз прошлись по России и ее агрессивному поведению на международной арене. Дальше шли городские новости. Пятеро журналистов тыкали микрофонами в лицо явно уставшего мужчины лет пятидесяти и требовали новостей по делу Октября.

– Скажите, мистер Гассмано, сколько еще лет женщины Калифорнии будут бояться ходить по улицам города? – истерично спрашивала рыжая бестия с микрофоном, похожим на молот кузнеца.

– Люди хотят знать, как далеко вы продвинулись? – перебивал ее матерый корреспондент примерно одного возраста с замученным Гассмано, но, в отличие от седого представителя закона, имеющий огромную лысину, которая играла бликами в лучах солнца.

– По очереди, – оскалился Гассмано, и внизу экрана появилась рамка с белыми буквами: «Специальный агент отдела по борьбе с серийными убийствами Патрик Гассмано».

Я поймал себя на мысли, что такие отделы ФБР и в России, и в Америке борются именно с убийствами, а не с убийцами, то есть работают с фактом, а не с причиной, хотя в действительности, конечно, это не так. Тут же вспомнилась забавная статья в газете, вычитанная еще в восьмидесятых, о канцелярите и его причинах. Идея довольно простая: когда у руля стоят безграмотные, общество пытается подстраиваться под них, начиная выдавать в эфир свойственные руководству глупости вроде: «В данное время ведется активная работа под чутким руководством...» Ох уж это чуткое руководство, добралось и до ФБР. А как же простое русское «Мы работаем»?

– Что можете сказать по существу? – продолжала тем временем юркая женщина с короткой шевелюрой и ярко-зеленой заколкой.

– Следствие ведется, и, могу вас заверить, мы на верном пути, – медленно начал Патрик Гассмано, отвечая шаблонными клише. – Я не могу вам сказать, над какой именно версией мы работаем, ведь это может навредить следствию. Могу только добавить, что сегодня ночью мы нашли еще один труп женщины.

– Но Октябрь за двенадцать лет никогда не похищал более одной женщины в год! Как вы это объясните? – поинтересовался репортер с залысиной.

– Я считаю, что он ищет новых ощущений, – спокойно ответил Патрик, отрешенно глядя куда-то в сторону. – Его почерк за последние годы не изменился. Он похищает своих жертв с ноября до кануна Рождества и удерживает их до октября следующего года, после чего избавляется от них, соблюдая особый ритуал. Все жертвы погибли в октябре и обнаружены в пригороде Лос-Анджелеса. Нам не известно, убивал ли он до 2003 года, но с того самого времени почерк остается неизменным, что свидетельствует о сложившейся и устойчивой модели поведения.

– Это официальная версия, а что думаете лично вы, агент? Что за ритуал исполняет Октябрь, что он хочет этим сказать? – проговорил мужской голос за кадром.

– Что я думаю? – отстраненно переспросил Патрик, словно никогда не размышлял об этом. – Думаю, он похищает не самих женщин, а некий образ, который сам им приписывает. Скорее всего, это образ чистоты и невинности. Долгое время Октябрь собственными руками разрушает созданный им самим ореол невинности, и жертвы теряют то самое, что когда-то манило его, в них умирает чистота. Они превращаются в нечто грязное для его большого сознания. Вот что я думаю. Больше мне нечего добавить, ждите официальных заявлений.

На какой-то миг в эфире воцарилась тишина, как будто каждый из собравшихся осмысливал сказанное уставшим агентом.

– Может, ФБР пора выгнать стариков и взять кого-то помоложе, – ввинтила рыжая бестия, явно намекая на возраст Гассмано.

Тот бросил на нее спокойный, тяжелый взгляд, подвигал нижней челюстью и тихо произнес:

– Может, и так.

На экране вновь была студия, а ведущая новостей принялась повторять известные телеканалу факты и слухи о деле серийного насильника и убийцы по прозвищу Октябрь.

Мне подумалось, что американские СМИ совершенно зациклились на создании не просто новостных передач, а своеобразных шоу, где допускались шутки и подтрунивания наряду со вставками юмористических роликов.

Прикончив вторую чашку кофе, щедро сдобренную медом, и прихватив рабочую сумку, я вышел на улицу. Купив дом поблизости от работы, я мог каждый день прогуливаться по зеленым аллеям Калтеха, то бредя мимо северной линии кампусов, то сворачивая к южным, более новым постройкам. И не важно, какой маршрут я выбирал, утренняя прогулка всегда являлась чудесным началом рабочего дня.

Я сливался с шумным потоком студентов, спешащих на учебу, и, не вслушиваясь в посторонние разговоры, погружался в размышления. В последнее время это были мысли о модернизации учебного процесса для первого триместра с целью рассказать и донести знания наиболее простым и интересным языком. Признаться честно, невероятно скучно бубнить себе под нос с куском мела в руках, вытирая грязные пальцы о протертый старый пиджак.

Облачившись в более молодежную одежду, я буквально чувствовал, с какой чудовищной ошибки начал свой педагогический стаж в институте. Первое время я пытался подражать своим преподавателям старой советской школы, показывая всю серьезность учебного процесса напыщенным видом и в основном стоя спиной к аудитории с мелком либо маркером. Теперь же мне виделись совсем другие перспективы, особенно с той техникой, что имел в своем распоряжении факультет. У нас были очки виртуальной реальности, проекторы, принтеры и 3D-принтеры, я мог снять короткометражный фильм или же дать подобное задание студентам. Одним словом, идеи просто переполняли меня...

После первых двух лекций я вышел в парк и устроился с планшетом в тени апельсинового дерева. Свежие бутерброды, чай из термоса и интересная книга, набранная одиннадцатым кеглем. Я дочитывал последнюю страницу, когда из кармана раздалось знакомое «агу». Отложив планшет, я уставился на оживший экран смартфона и, тронув пальцем стеклянную поверхность, прочел одно слово.

Сообщение от Али: «Привет».

В верхнем углу окошка с чатом значилось: «Пользователь онлайн», и я несколько медлил с ответом, ожидая, что Алиса напишет что-то еще. Она молчала. Смахнув чат вниз и взглянув еще раз на присланную ночью фотографию, я набрал ответ:

«Привет! Классно отдыхаешь, завидую».

После текста вставил смайлик с поднятым вверх большим пальцем, и сообщение улетело по невидимым сетям.

Просидев под апельсиновым деревом еще пару минут и не дождавшись ответа, я направился на практическое занятие, где собирался наглядно показать студентам, как подбирается биологическая защита при работе с радиоактивными источниками. Мне хотелось продолжать наш с Али виртуальный диалог, и я еле сдерживался, чтобы не начать писать строчку за строчкой. На протяжении всего занятия рука, словно заколдованная, извлекала из кармана телефон, явно не доверяя слуху и боясь, что новое сообщение от Али осталось незамеченным.

Следующее сообщение пришло по пути в «Старбакс». Прочитать его сразу не получалось из-за плотного потока машин, и от этого в моем животе появилось странное, радостное и одновременно тревожное чувство. Наконец, не выдержав, я съехал на парковку перед огромным зданием «7 Дейз» и, разблокировав смартфон, впился в него глазами.

«Если хочешь, в следующий раз поехали со мной. Будет забавно».

Это «забавно» тут же резануло по сердцу. Не весело, не прикольно, а просто забавно, как если бы я был клоуном на детском празднике или что-то в этом роде. Может, Алиса и не имела в виду ничего такого, но, как говорилось в старом анекдоте про еврейскую семью, где после чаепития с гостями пропала серебряная ложечка, «ложечка-то нашлась, а неприятный осадок остался».

«Буду иметь в виду», – ответил я и, не дожидаясь очередного «агу», отключил звук и выехал с парковки. Отвечать на любое ее сообщение сейчас не хотелось, хотя, пока я пробирался к кафе, машинально прокручивал в голове варианты ответов. Хотелось ли мне быть частью ее жизни? Познакомиться с друзьями, ровесниками моих студентов, которые в общей массе казались мне людьми из другого, совершенно незнакомого мира. Мира гаджетов, Фейсбука и Ютьюба. Мира, где мои достоинства нивелировались и приравнивались если не к нулю, то как минимум к доисторической находке на забытом всеми острове Костей.

Даже останки древних динозавров, как мне казалось, заинтересовали бы ее друзей больше, чем я со своим деревянным яблоком в кармане пиджака и идеями по текучести и пластичности жидкости. Самое «забавное» во мне то, что я русский, как матрешка на полке техасского рейнджера, экзотика и раритет времен холодной войны. Это было действительно забавно и противно одновременно, ведь мое мужское начало искало в Алисе совсем иные берега. Возможно, я сам дорисовывал в ней то, чего там не было, но убеждаться в этом не хотелось.

Очередное сообщение с привычным звуком «агу» застало меня в душе. Словно мальчишка, я выскочил из душа и подбежал к телефону, лежавшему на комод, и только после того, как взял его в руки, понял, что стою напротив того самого окна совершенно голый. Машинально обернувшись и пятясь назад, как неуклюжий танцор, я вернулся в заполненную паром ванную комнату, пытаюсь вспомнить, не мелькнул ли ее силуэт в окне.

«Пятница, заберу тебя в девять, ок?» – прочел я.

Сначала хотелось написать что-то вроде: «А ты уверена?» – но этот порыв удалось подавить. Мне было страшно от мысли, что я попаду с Алисой в одну компанию с ее друзьями, однако увидеть ее в привычном окружении хотелось просто непреодолимо, до белых от усилия костяшек на кулаках. «Ты не старик», – проговорил я, обращаясь к собственному отражению в запотевшем зеркале. Постарался представить, что мне снова двадцать пять и нужно ответить на сообщение от девушки. В голову приходил только один вариант, и я быстро набрал его и коснулся значка «Отправить». Сообщение содержало одно слово: «Отлично». Выйдя из душа, я украдкой посмотрел в окно и обнаружил, что теперь шторы скрывают еле освещенную теплым, апельсиновым светом спальню Алисы. Или она вернулась только что, или все это время была там, совсем недалеко от меня. Укладываясь спать, я долго не мог отвести взгляд от ее окна. В своем воображении пытался дорисовать то, что скрывали призрачные молочные шторы. Засыпая и проваливаясь в долгожданные объятия сна, я все еще видел перед внутренним взором ее кожу, горький шоколад с глянцевым блеском спелой бронзы, почему-то я представлял ее именно такой, покрытой маслом с ароматом кокоса и спелого манго...

Глава 12

Разоблачитель

Одна из самых тяжелых вещей в жизни – наблюдать, как тот, кого ты любишь, любит кого-то другого.
Английская мудрость

Очередное утро вломилось в ночной кошмар, разорвав его на мелкие части, оставив лишь дурное ощущение смутной тревоги. Я готовил завтрак и одним глазом смотрел утренний выпуск новостей с Кэтрин Кэмбел и Ричардом Холливардом. Они с деланой вежливостью давали друг другу зачитывать факты, цитировать политиков и высказывать мнения, которые не всегда приходились к месту. Этим утром гвоздем информационного эфира стал так называемый Разоблачитель и скандальный развод конгрессмена Генри Кларка – младшего с его женой Патрисией, дочерью известного промышленника Гарри О'Диггерти, владеющего тремя заводами в Чикаго.

Кэтрин Кэмбел, худая шатенка с острым носом и пухлыми губами, звонким голосом рассказала, что Генри и Патрисия прожили в счастливом браке более пятнадцати лет и нажили неплохое состояние, венцом которого стали дом в Санта-Барбаре и трое чудных детишек. Конгрессмен как раз собирался заняться новым законом об эмиграции, когда неожиданно для всех Патрисия потребовала развод, не объясняя причин, а когда муж отказал ей, неизвестный Разоблачитель опубликовал информацию, согласно которой конгрессмен имел весьма странные увлечения.

Разоблачитель утверждал, что Генри Кларк пользовался услугами госпожи, имя которой остается загадкой, и несколько раз в месяц посещал ее владения, где становился рабом этой железной леди со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его покорность носила дурной оттенок гомосексуальной связи с мужем этой самой госпожи, и, хотя остальные детали не раскрывались, было понятно, что благополучный отец семейства долгие годы вел скрытую от посторонних глаз жизнь.

Однако не это оказалось самым печальным в истории, как заметил энергичный соведущий Кэтрин, темнокожий парень с неестественно темными губами и приплюснутым носом. Печальным было то, что Генри Кларк долгое время обвинял жену в изменах, хотя, как сообщил тот самый Разоблачитель, именно муж заплатил малоизвестному актеру мексиканского происхождения, чтобы тот закрутил роман с заскучавшей женой. По словам Разоблачителя, это должно было стать своеобразной гарантией в случае развода с состоятельной Патрисией, ведь при наличии доказательств ее измены адвокаты Кларка имели все основания как следует распотрошить обеспеченную изменницу.

«Я чувствую себя омерзительно, – говорила в дрожащую камеру сама Патрисия, давая интервью толстому парню в сиреновой рубашке. – Он подложил меня, словно шлюху, и я рада, что все это наконец закончится. Пусть жалкий ублюдок продолжает подставлять свою *нип*, я не собираюсь мешать ему. Все, чего я хочу, – поскорее вернуться к детям и забыть весь этот кошмар!»

На экране опять появилась студия новостей, и Кэтрин, подводя итог сюжета, проговорила: «Разоблачитель снова показал нам демонов, скрывающихся под маской благочестивости, но хочет ли этого на самом деле простой американец? Спросите себя прямо сейчас!»

Я сгреб со сковороды омлет с помидорами и задумался. Эта бестия была чертовски права. Так ли нужна была правда? Не узнай Патрисия об интимных наклонностях мужа, может, они и по сей день встречали бы вечер на берегу с корзиной для пикника и тремя детьми, играющими в песке.

Мне вспомнился фотоаппарат и те снимки, которые тот хранил в памяти. Что сказала бы Алиса, узнав о них? Пригласила бы в пятницу с собой в клуб? А может, обратилась бы в полицию и я потерял бы работу в Калтехе? Ответа на эти вопросы не было, но абсолютно точно, что эти снимки не очень обрадовали бы ее, как и любую нормальную женщину...

Глава 13

Время

Весь день я подсознательно ожидал, что Алиса передумает и пришлет сообщение о своих изменившихся планах или найдет какую-то замысловатую отговорку, но ничего подобного не произошло. После Калтеха, не откладывая на потом, я отправился в торговый центр, где обзавелся современными наушниками, парой новых футболок и легким свитером для вечерних прогулок. В этот раз я полностью доверился вкусу продавца, проявившего учтивость и сноровку при подборе подходящих размеров и цветов.

Пока я добирался до торгового центра, пока ходил по бесконечным магазинам, мысли неустанно возвращались к фотоаппарату, оставшемуся в библиотеке, и окну спальни. Меня нестерпимо тянуло обратно, к той лазейке в манящий мир любимой, откуда я мог украдкой увидеть Али. Устав бороться с собственными желаниями, я решил поразмышлять об этом как человек разумный.

Прежде всего, причина моих порывов наблюдать состояла в том, что я мог делать это естественно, просто находясь в стенах собственного дома. Хотя это, несомненно, и было неким оправданием, но все же не переставало существовать как истина. Ведь если бы мне пришлось ехать в соседний квартал, сидеть в машине или – еще хуже – в кустах, при мысли о которых я невольно усмехнулся, то я, в чем сомнений вовсе не было, не сделал бы ради этого ни шагу. Выходит, сама доступность тайного наблюдения разрешала внутреннему «я» делать это. Я просто смотрел на женщину!

Вернувшись домой, я быстро поужинал и, буквально вбежав по лестнице, оказался в библиотеке. Фотоаппарат был на том самом месте, где его оставили, хотя, признаюсь честно, я слегка побаивался, что он может каким-то чудом исчезнуть. Ощущая себя мелким воришкой, который, сделав грязное дело, радостно потирает руки, ликуя, что его не заметили, я медленно открыл резиновую заглушку на боковой панели. Находясь словно под гипнозом, так как ничем другим объяснить собственные действия просто не мог, я проверил, на месте ли карта памяти. Ее красная грань виднелась в черном провале, и выдох облегчения вырвался из груди. Она здесь...

На следующий день, вернувшись домой, я твердо решил не подниматься на второй этаж, а вернуться к работе над деревянной фигуркой гнома. Аккуратными касаниями губки нанес слой грунтовки. В принципе для дерева это было необязательно, но моему изделию предстояло находиться под открытым небом, так что оно требовало дополнительной защиты. Не уделяя особого внимания мелочам, смелыми мазками я разрисовал гнома, как мне представлялось, в классические цвета садовых фигурок. Бледно-желтое лицо, слегка красноватый нос в виде сплюсненной картофелины, зеленый кафтан и ярко-синие башмаки. Колпаку досталась голубая краска, после высыхания которой я подрисовал с десятков белых полос, чтобы придать ему эффект слома под собственным весом.

Я собирался вернуться в дом, когда краем глаза заметил свет в окне первого этажа. Жалюзи были закрыты не очень плотно, и за ними угадывалось движение. Алиса была дома. Я не знал ее привычек и времени, когда она ложилась спать, но какой-то непонятный азарт, разгоревшийся внутри, намекал на то, что мне не уснуть, пока не увижу за окном ее. Прошел в столовую и один за другим погасил все светильники на первом этаже. Такая же участь ждала светильники второго этажа. Сам не понимая зачем, я даже разыграл мини-спектакль перед мертвенно-серым и безжизненным соседским окном, изображая из себя мужчину, готовящегося ко сну. Напевая под нос, не спеша разделся, убрал вещи в шкаф, чего обычно не делаю,

оставляя все на спинке стула, и, почистив зубы, выключил свет. Уже в темноте я устроился на углу кровати с фотоаппаратом в руках.

Давно забытое детское чувство причастности к чему-то недозволенному охватило меня. Я вдруг вспомнил, как мы с ребятами, сидя на пыльной, выкрашенной толстым слоем уже сморщившейся зеленой краской лавочке, бросали косые взгляды на девчонок постарше, сидящих напротив. Высокие и, как нам казалось тогда, ангельски красивые, они беззаботно болтали, не обращая внимания на наши жадные взгляды, украдкой впивающиеся в приоткрытые короткими юбками бедра.

С той же жаждой новых открытий неизведанного и прекрасного сидел и я. Ладони потели от волнения, и приходилось то и дело вытирать их об одеяло. Это было и забавно, и глупо одновременно. Физик, нобелевский лауреат, восемь лет на «женской диете» с практически полным отсутствием сексуальной жизни. И вот этот коктейль смешался в чаше Лос-Анджелеса, и я пью его залпом, забывая обо всех внутренних ограничениях, что долгими годами наслаивались на меня, образуя сложный торт нравственности.

И мне нравится этот коктейль! Я поерзал в складках одеяла, устроившись поудобнее, и задумчиво уставился на узкую щель между штор. То, что я делал и в чем боялся признаться сам себе, было не столько постыдным занятием, сколько действием, срывающим с меня зажимы. Я становился свободным, и тонкой нитью сквозь желание наблюдать за Алисой протянулось вернувшееся стремление жить полной жизнью. Одеваться, выглядеть не только хорошо, но и молодо, быть просто-напросто здоровым и иметь возможность в любой момент сорваться и прыгнуть с тарзанки, покататься на серфе или нырнуть с аквалангом.

Все последние годы, несмотря на хороший заработок, я жил как старик: работа, дом, ужин на скорую руку, а единственными развлечениями стали резьба по дереву и виски с ледяной крошкой. И как-то незаметно, шаг за шагом, я шел к жизни замкнутого профессора. Оставалось добавить только «сумасшедшего» – и все, картина закончена. Так бывает, когда набираешь вес: вроде все такой же, ну, на размер поправился, что уж там, а потом смотришь на себя в зеркало, открываешь старый фотоальбом и ужасаешься, как так могло случиться.

Глава 14

Новые снимки

Я кажется, задремал, погруженный в самокопание и объяснение собственных поступков. Фотоаппарат соскользнул на пол, но не ударился, а повис на ремешке, закрученном вокруг запястья. Я встрепенулся, открыл глаза и тут же увидел свет в комнате за окном. Он был не приглушенный, как в прошлый раз, а самый обычный, позволяющий в объектив разглядеть все, что было заметно в проеме штор.

А заметно было вот что. Белый платяной шкаф, точнее дверца того самого шкафа, передняя часть которого представляла собой зеркало в человеческий рост. Чуть ниже виднелся угол уже расстеленной постели с кремовой простыней, поверх которой Алиса разложила джинсы, аккуратно свернутую блузку. Зеркало позволяло лицезреть чуть больше, показывая глубь комнаты. Алиса сидела на кровати, поджав одну ногу, как в позе для медитаций, и совершала какие-то манипуляции.

На ней была белая спортивная футболка с непонятным геометрическим рисунком на груди и синие трусики с красной оторочкой. Я хорошо видел это в отражении. Мне вдруг стало неуютно, и, с презрением отложив фотоаппарат в сторону, я вытянулся на кровати.

– Какой же ты придурок! – прошептал я в пустоту спальни.

Спальня молчала, а вот внутренний предательский голосок требовал вернуться к созерцанию соседнего окна. Я решил, что если увижу что-то интимное или неподобающее, то тут же прекращу это недостойное занятие, а руки тем временем выкручивали объектив, максимально приближая подрагивающее изображение. Всмотревшись в окуляр, я наконец понял, что именно она делает. Али наносила какой-то полупрозрачный состав, похожий на гель, размазывая его по загорелым ножкам, а потом медленно втирая в кожу.

Она плавно поднималась к трусикам, затем спускалась вниз, к икрам, и, немного массируя их круговыми движениями, вновь поднималась к бедрам. Мне почему-то казалось, что крем этот пахнет яблоком, таким кисло-сладким, немного недозревшим, сок которого обычно заставляет человека сморщиться после первого укуса, и лишь потом его можно есть, не морщась от излишней кислоты.

Я мысленно приказал себе отложить фотоаппарат и какое-то время просто смотрел на призывно светящееся окно, не вглядываясь в детали, а просто любуясь задумчивым и сосредоточенным лицом с упавшей на лоб челкой. Иногда было заметно, как Али морщит лоб, когда спускается к тонким лодыжкам. Потом она выпрямила спину, натягивая рукой футболку, и между ее плотно сжатых губ показался кончик языка.

Встав с постели, она подошла к зеркалу, я вновь схватил фотоаппарат и прильнул к резиновому наглазнику. Оттянув трусики большим и указательным пальцами к центру и приподняв их к пупку, словно имитируя откровенный купальник, Алиса изучила результат только что проделанной процедуры, придерживая футболку на животе другой рукой. Щелк. Оставшись довольна результатом, она повернулась к зеркалу спиной и изучила ягодичы, проводя по ним рукой, словно пытаясь понять, насколько ровно лег нанесенный гель. Щелк.

Наконец, оставшись, по-видимому, довольна внешним видом, Алиса убрала с кровати полотенце, на котором сидела, зеркальце и прочие вещицы и погасила свет, оставив гореть лишь слабый светильник. Я сидел, отрешенно глядя на окно, вспоминая только что подсмотренные картины, мысленно перелистывая их и возвращаясь обратно в тот день, когда увидел Алису обнаженной. Светильник она погасила далеко за полночь, а я все продолжал вспоминать ее оттянутые пальчиками трусики и блеск загорелой кожи.

Глава 15

Клуб

В пятницу по расписанию у меня было всего два семинара. Освободившись, я направился на обед с Петром Калугиным, коллегой по кафедре, после чего мы собирались поработать и зайти на полчаса в бар. Машину я оставил у дома и намеревался вернуться за час до назначенного Алисой времени. Пообедали в недорогом мексиканском ресторанчике и вернулись в пропахшую маслом и дымом от сварочного аппарата лабораторию. Сегодня нам предстояло закончить последнюю работу, а значит, не за горами очередная премия.

Петр веселил меня шуточками, не выпуская изо рта то конфету, то домашний сэндвич, а я пытался настроить капризный тепловизор на минимальный диапазон чувствительности. Мы обсуждали любимый вопрос Петра, а именно мою личную жизнь, точнее полное отсутствие таковой.

– Я вот к чему клоню, – с серьезным видом размышлял вслух Калугин, – без бабы прожить можно! Можно привыкнуть к отсутствию секса, тоже понимаю, это же как-никак мышца, не пользуешься, она и атрофируется, но вот тут как раз весь секрет и кроется.

– В гормонах? – с серьезным видом осведомился я.

– В них самых, – согласился Петр. – Тут называй как хочешь. Без женщины-то прожить можно, но вот без секса никак, согласен?

Я молча кивнул, перебирая пункты меню на мониторе ноутбука.

– То, что делает из нас мужчин, – это не только устрицы и гормоны, это само желание быть мужчиной, обладать женщиной, добывать корм и обеспечивать крышей над головой. Вспомни себя год назад, да что там год, месяц отмотай, и все понятно.

– Что понятно? – Я удивленно поднял глаза на Калугина.

– Я не клоню, я просто наблюдательный, – проверяя крепления хомута для камер, объяснил Петр.

– Давай выкладывай, наблюдатель, что разведка донесла?

– Разведка тут ни при чем, – объяснил Калугин. – Просто ты изменился. Этот новый прикид, наушники на шее, футболочки модные, джинсы такие, словно ты не преподаешь в Калтехе, а учишься. Неспроста все это.

Было забавно наблюдать, как Калугин пытался подвести разговор к обсуждению того, что именно происходит с моей личной жизнью. Это походило на самый странный вопрос юности, который обычно слышат из уст родителей, деда или бабушки: «Ну, какая девочка в школе нравится?» Я невольно улыбнулся.

– Моя соседка, недавно вернулась из колледжа, и сегодня мы идем в клуб, – выпалил я, желая поговорить об этом хоть с кем-нибудь.

– Вместе? – недоверчиво уточнил Калугин, выглянув из-за деревянного ящика, куда мы собирались упаковать бобину с кабелем для зонда.

Я промолчал, одарив его косой улыбкой.

– И как у вас там все? – аккуратно перешел в наступление Петр, двигаясь маленькими шагами к интересующему на самом деле вопросу.

– Мы не спали, так что рассказывать нечего.

– Вот зараза! – Он всплеснул руками и отправил в рот очередную мармеладину в виде змейки. – А как она из себя, ну и вообще? Американка? А сколько ей лет?

– Давай потом, – отмахнулся я, не решаясь рассказать больше, – сядем в баре, там спокойно и поговорим.

– Заметано, – оживленно выкрикнул из-за коробок Петр, – но ты просто так от меня не отвертись, учти.

– Учту. – Я улыбнулся самому себе и с головой погрузился в работу...

Когда мы переместились в тихий бар, расспросы возобновились. К этому располагала и атмосфера заведения, отдающего Диким Западом. На стенах висели потертые седла и высокие сапоги с ржавыми шпорами. Деревянные столы и стулья, намеренно состаренные, придавали обстановке особую нотку, а официантки разгуливали по залу в джинсах и завязанных на узел рубашках. По просторному залу витал аромат жареных свиных колбасок и перца, что заставляло желудок требовать еды с удвоенной силой.

– Значит, ты говоришь, что подглядываешь за симпатичной особой в окошко? – прикидываясь глухим, переспросил Петр.

– Чувствую себя последним кретином, – свесив голову, проговорил я. – Как-то это неправильно.

– Что неправильно? – Петра эта тема явно завела. – На красивую женщину смотреть можно и нужно! Вспомни себя, неужели в бане не подглядывал?

– Нет, – покачал я головой, не желая рассказывать Петру, что это была вовсе не баня, а кусты рядом с пляжем, где отдыхающие имели привычку переодеваться, но смысл от этого не менялся.

– Каждый нормальный мужик хочет видеть объект своей страсти, я так считаю, – твердо заявил Калугин. – Странно, если бы все было иначе, сам посуди!

– Может и так, только вот мне давно не десять, и, где пестики и тычинки, я знаю.

– А чего тогда рожа кислая? У тебя же вечером клуб, текила и веселье?

– Не знаю, стоит ли мне туда ехать, не по себе как-то. – Я еще ниже опустил голову, коснувшись лбом холодной кромки бокала с виски.

Рассказать, что она на тринадцать лет моложе? Рассказать про фотографии? Где-то внутри мне казалось, что даже если Петр поймет все это, то потом, поразмыслив, в глубине души непременно осудит. У него тоже была дочь, и, если так рассуждать, какому отцу было бы приятно, узнай он, что сосед подглядывает за дочуркой, делает снимки, а потом любит ими? Никакому! Хотя я пока не смотрел на сделанные фотографии, ощущая их манящую наркотическим дурманом силу, но был почти уверен: рано или поздно они попадут на планшетный компьютер.

А пока сам акт просмотра сделанных снимков представлялся падением последнего барьера и признанием моего разгромного поражения в несуществующей борьбе с самим собой. Я не боролся, я скорее боялся.

– Послушай, – посерьезневшим голосом сказал Калугин. – Я вижу, что ты немного растерян и говорить об этом не хочешь. Я и не настаиваю. Любовь всегда имеет смысл, а увлечение всегда приносит радость, и все это вместе может взорвать к чертовой матери окружающий мир, оставив лишь небольшой островок для двоих.

Я удивленно посмотрел на Петра, не ожидая такой пронизательности от обычно беззаботного товарища.

– Я раньше боялся, – продолжил он. – Боялся всего, перемен, которые неизбежно приходят с новыми чувствами, боялся разрывов, объяснений, да и просто серьезных потрясений в устоявшейся, словно в прокисшем болотце, жизни.

– А теперь? – чувствуя, что нужно вставить вопрос, чтобы рассуждения Калугина продолжали бег и не останавливались, спросил я.

– А теперь я часто вспоминаю, что умру и жить мне осталось меньше половины. – Он сделал три приличных глотка и, поставив бокал на стол, продолжил: – Я знаю, полжизни за спиной, наша молодость, Артек, горы, отпуск в Крыму. Очень долго я боялся что-либо менять, запершись, как улитка в панцире.

– Так делают многие, – согласился я. – По крайней мере, из моих знакомых.

– Нет! – воскликнул неожиданно Петр, явно захмелевший от забористого напитка. – Ты не прав, физик. Ты как никто другой должен знать, что мы – узники раковин в виде бетонных двушек, раскиданных по разные стороны Московской кольцевой, хотя это и не важно где... Мы сами выкалываем себе глаза, чтобы не видеть людей вне времени, вышедших за рамки обыденности и человеческих устоев.

– Как это? – спросил я, все еще пораженный такими витиеватыми образами, рожденными в голове Калугина. – Ты хочешь сказать, что мораль, семейные ценности и сложившиеся устои ничего не значат?

– Ты безнадежный тупица, Адам. Я не говорю, что они не нужны, – он снова приложился к бокалу, – я говорю, что там, как и в любом законе, есть лазейки, но у нас не хватает духу использовать их.

– Но есть те, кто решается на это, и мы, такие, как ты и я, сознательно не смотрим в их сторону, чтобы случайно не соблазниться запретным для нас плодом, – закончил за Калугина я.

– Да, Адам, такие, как ты и я, мы сами сковываем себя и боимся быть счастливыми, боимся обидеть близких, медленно переставляя ноги на пути к могиле с унылым лицом кастрированных львов. Поэтому, что бы тебя ни тревожило, что бы ты сам себе ни говорил, попробуй сделать хоть раз так, как не делал никогда и как бы никогда не поступил, если бы спросил совета у разума. Спроси у сердца, попробуй.

Он замолчал, задумчиво покручивая бокал вокруг своей оси на матовой поверхности стола. Мысли неслись бурлящим потоком, и я пытался определить, что на самом деле тревожит меня в отношении Алисы. То, что она молода? С точки зрения морали, да, я бы мог поставить для себя некий барьер, однако если отбросить всю мишуру, то лично мне это очень даже нравилось. Ведь если спросить у любого нормального мужика, хотел ли он провести отпуск со стройной красоткой, вдвое моложе его самого, но об этом совершенно точно не узнал бы никто... Ответ более чем очевиден.

А вот поставь рядом жену или любого другого слушателя, и тут же ответ приобретет или форму полного отрицания, или философский окрас, мол, ничто животное нам не чуждо, но человек разумный должен оставаться разумным. А вот кому именно и что он должен, а самое главное – почему? Ведь займы не брал, а значит, и не должен.

Если смотреть под этим углом, то все идет хорошо. Я мысленно нарисовал картину, где обнимаю Алису, лежа на белом песке, и внутри загорелся огонек радости, лишь изредка колыхающийся от порывов тревоги. «Уже лучше, Адам Ласка, уже лучше», – похвалил я себя.

А что еще? Что тревожит? Внутренним локатором я пытался найти точку напряжения в собственных чувствах, но бесполезно. Тревожность и ощущение того, что жизнь идет не так, ускользали. Позже, с этим можно разобраться позже. Я пригубил уже прилично разбавленный талой водой виски и посмотрел на задумчивого Петра.

– Я вроде как решил выйти из строя, понимаешь? Сделать что-то не так... Без оглядки на остальных! – неуверенно проговорил я. – Но меня не отпускает чувство тревоги. Не могу понять, что за херня, но дергаюсь как мальчишка.

– Ве-е-е-есна-а-а-а, – медленно протянул Калугин, прищурился, имитируя мудрого Каа из советского мультфильма «Маугли».

Я рассмеялся, понимая, что запал серьезности у Калугина исчерпан чуть ли не на год вперед, и продолжать беседу в том же духе бессмысленно. Оставив на потом тревоги и их причины, мы заказали еще напитков, и разговор, как часто бывает, плавно свалился в омут профессиональной деятельности.

Домой я вернулся, как и собирался, за час до намеченного времени. Принял душ, немного укоротил щетину электробритвой и, надев новые джинсы и футболку, уселся перед телевизором в ожидании знакомого «агу». На экране разыгрывалась комическая сцена из сериала «Дру-

зья». Когда-то мне пришлось практиковать произношение, смотря его без перевода, с мелкими субтитрами внизу экрана. Увлечшись сериалом, я потерял счет времени, и, когда телефон издал «агу», часы показывали половину одиннадцатого.

«Выходим через 10 мин. Жду у дороги))»).

Десять минут так десять минут. Я выключил телевизор и, поднявшись в спальню, посмотрел в соседнее окно. Хотел ли я еще раз заглянуть в приоткрытую дверцу ее личной жизни? Скорее всего, да, и на этот раз упреки внутреннего голоса слышались словно в отдалении. Я поднимался, чтобы увидеть женщину, которая мне нравится. Вопреки ожиданиям свет в спальне Алисы не горел. Я бросил виноватый взгляд на фотоаппарат, который с неммым укором смотрел на меня прикрытым пластиковой заглушкой объективом, и спустился вниз.

Алиса вышла из дома через двадцать минут.

– Ну, прости, – с улыбкой попросила извинения она.

Мы сели на заднее сиденье подъехавшего такси. Машина тронулась вдоль по улице, а я какое-то время сидел молча, стараясь не смотреть на возню Алисы в маленькой белой сумочке. Впервые я видел ее такой, одетой «для выхода в свет». Меня поразило полное отсутствие косметики, по крайней мере, я ничего такого не заметил, даже губы оставались естественного молочно-розового цвета.

На ней была белая блузка с вырезом и двумя шнурочками, которые можно было завязать, придав блузке почти официальный и деловой вид. Слегка прозрачная ткань позволяла разглядеть очертания классического бюстгалтера с закрытыми чашечками, отчего мне показалось, что в этой одежде она могла бы с таким же успехом пойти на прием к врачу или на ответственную работу в самую престижную школу Пасадены. Ножки скрывались под плотными темно-синими джинсами, одновременно и подчеркивающими округлость ягодиц, правильную форму ног...

Но более всего меня захватил не внешний вид Алисы, а запах, который тут же заполнил пространство салона. Это были не столько духи, сколько весь букет, начиная от мыла и шампуня и заканчивая неизвестными кремами, несомненно присутствующими на коже. Больше всего этот букет напоминал что-то дурманящее и расслабляющее. Тут был и сладкий аромат молочного шоколада, и запах фруктов, но не кисловатый, как это встречается в дешевых духах, а теплый и более мягкий.

Я сидел не шевелясь, вдыхая и выдыхая, стараясь запомнить то, что чувствую в этот момент. А чувствовал я радость. Просто радость от того, что нахожусь рядом с женщиной, которая мне очень нравится. По спине и шее бежали мурашки, а когда она заговорила своим тихим голосом, слегка смягчая согласные, я буквально оказался под воздействием ее оборотительного гипноза.

– Как неделя? – тихо спросила она, закончив возиться с сумкой и откинувшись назад.

Я ответил не сразу, не желая, чтобы охватившая меня приятная до невозможности оторопь прошла. Я ожидал, что она спросит еще что-нибудь, тем самым продлевая это ощущение. После дней, которые я провел, не слыша ее голоса, он казался мне особенно приятным, откликаясь в сознании странными и незнакомыми вибрациями.

– Как обычно, – наконец ответил я. – Студенты, работа, дом.

– Ты еще преподаешь? – Она почему-то удивилась этому.

– Да, в Калтехе, на кафедре физики.

– Ничего себе-себе, – задумчиво проговорила Алиса, вставив, видимо, привычную для нее фразу.

– Хорошая работа, которая позволяет казаться умнее, чем та сотня студентов, что приходит на лекции, – театрально торжественно изрек я, стараясь выдать это за шутку.

– Учтем. – Она зачем-то погрозила пальцем, словно собиралась разгадывать с моей помощью сканворды. – Что еще интересенького расскажешь?

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Как баня? – поинтересовалась Алиса.

– На следующей неделе должны привезти материалы для отделки и печь, так что скоро торжественное открытие.

– Супер! Пригласишь?

– Конечно, нет проблем.

Такси тем временем выехало из Пасадены и поехало на север, в сторону бульвара Санта-Моники.

– Куда едем? – спросил я.

– «Авалон», клуб в Голливуде, – ответила Алиса, – хорошее место, чтобы потрясти задницей.

Я усмехнулся. С ее задницей дело обстояло очень даже неплохо. Как ни странно, в Голливуде я был лишь раз и помнил только, что он раскинулся между 101-м и 170-м шоссе, образующими почти равнобедренный треугольник с бульваром Санта-Моники.

– Мы договорились с друзьями, будет весело, – буднично сообщила она.

У меня екнуло сердце. Я, конечно, ожидал чего-то подобного, но где-то в глубине души лелеял надежду, что проведу вечер с Алисой наедине, пусть и в шумном клубе. К встрече с ее друзьями я не был готов.

– Отлично! – ответил я, постаравшись, чтобы это звучало как можно убедительнее.

Всю оставшуюся дорогу она переписывалась с кем-то по телефону и два раза сообщила некому Ди Джи, что мы будем через пятнадцать минут. Я сидел рядом и смотрел на почти незнакомый город, медленно скатывающийся в пятничный омут веселья. Чувство, что Алиса потеряла ко мне всякий интерес, погрузившись в переписку с друзьями, беспокоило.

Несколько раз, когда мой изучающий взгляд задерживался на ее лице, она отрывалась от телефона и изображала вежливую улыбку, после чего вновь принималась набирать текст. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что не стоит выдумывать черт знает что, будто столетний старик, и, достав свой айфон, принялся блуждать по Рунету в поисках дельного совета, чем лучше заменить березовый веник.

Глава 16

«Авалон»

– Приехали, – бодро известила Алиса, выскакивая из машины.

Я по привычке потянулся за кошельком, но водитель сообщил, что все оплачено по банковской карте. Отлично, теперь я ее должник. Ладно, как-нибудь рассчитаюсь. Я следовал за ней, стараясь не отставать. Когда мы вошли в клуб и направились к источнику громкой музыки в конце темного коридора, Алиса взяла меня за руку. Сделала она это, чтобы я не споткнулся на высокой ступеньке, хотя та была специально подсвечена и прекрасно видна. Это был обычный жест, по крайней мере для нее, но я с удовольствием отметил теплоту ладони и мягкость кожи. Она не схватила мою ладонь, а именно взяла, без нажима, как делают маленькие дети.

Мы вошли в просторный зал, где, распивая коктейли, толпились человек двадцать, образуя небольшие компании. Вдоль стен стояли диваны и кресла, а на невысоких столиках громоздились пустые и наполненные стаканы и стаканчики самых экзотических цветов. Интерьер чем-то напоминал картину из старых американских фильмов: все в красных, розовых и белых тонах. Свет приглушен, отчего создается ощущение комфорта и почти домашнего уюта.

Как я узнал от Алисы, это был бар, а все танцевальное действие разворачивалось в соседнем зале, откуда доносился ритмичный бит и периодически слышались аплодисменты, будто во время настоящего концерта. Алиса прошла к стойке бара и кивнула бармену.

– Что будете? – Кучерявый блондин с круглым лицом и контактными линзами, имитирующими две звездочки, мило улыбнулся Алисе и чуть менее радостно кивнул мне.

– Я буду «Авалон», фирменный, с двойным ликером. – Она вопросительно посмотрела на меня. – Водку?

– Мне виски со льдом и содовую, не смешивать, – с улыбкой сказал я бармену и, повернувшись к Алисе, добавил: – Водка требует богатого стола, ее закусывать надо, и компания нужна хорошая.

– Русская традиция, понимаю. – Она стукнула кулачком мне по плечу, поджав при этом губы.

– Ты иди, я расплачусь и принесу, – проговорил я в надежде, что так она и поступит.

Во-первых, я хотел выпить сразу несколько порций виски, а во-вторых, мне было любопытно, что у нее за друзья, – не каждый день нобелевский лауреат веселится в клубе. Я решил присмотреться к ним повнимательнее, прежде чем познакомиться. Бармен не заставил себя ждать, и я тут же попросил еще три порции виски, положив на стол двадцать баксов. Купюра исчезла в кармане, и виски появился на стойке почти мгновенно. Когда я пробирался к столику в самом углу, настроение уже заметно улучшилось.

На диване и трех креслах вокруг столика расположилось шесть человек, в том числе и Алиса. Три парня и три девушки. Рядом с Али на диване сидела парочка, одетая в одежду, скроенную, на первый взгляд, из куска одной ткани. Я окрестил их фиалками, так как на девушке, высокой брюнетке с длинными волосами и острым носом, и на ее парне, суховатом, с короткой стрижкой и затуманенным взглядом, были одинаковые бледно-фиолетовые футболки. Отличались они только рисунками: у парня на груди красовался иероглиф, похожий на покосившийся забор, а у девушки – отпечаток ладони с растопыренными пальцами.

Я тут же отметил, что единственное свободное место находится с другой стороны от фиалок, которые оказывались между мной и Алисой. На двух креслах слева сидела еще одна парочка, державшаяся за руки. Парень в синих джинсах, футболке с ретроавтомобилем и легком пиджаке выглядел чуть моложе своей подружки, на которую он поглядывал, пока расска-

зывал что-то собравшейся компании. У него было узкое лицо со впалыми щеками, а под голубыми глазами темнели заметные круги.

Его спутница, подтянутая мулатка с налитыми формами и здоровым цветом лица, могла похвастаться идеальной спортивной фигурой бегуни. Бедра буквально разрывали белые обтягивающие брюки, а над коленями перекачивались бугорки мышц. Она носила короткую прическу, почти ежик, и искренне смеялась над шутками бойфренда. Голос у нее походил на мужской, но это с лихвой компенсировалось обаятельным личиком с выразительными глазами и яркими губами.

В третьем кресле сидел чернокожий парень в очках, легком белом свитере и синих джинсах. Он выглядел вполне интеллигентно и излучал спокойствие и особую уверенность, которая буквально струится от людей с хорошим банковским счетом. Он был настоящим атлетом. То ли от природы, то ли занимался спортом профессионально, но выглядел так, словно сошел с обложки спортивного журнала «Мужская сила». Именно с этим парнем я видел Алису на лужайке перед ее домом...

Он почти не слушал друга, глядя куда-то в сторону, явно размышляя о чем-то своем и улыбаясь с легкой тенью превосходства, как это делает боксер, только что по очкам победивший соперника. Разглядеть его повнимательнее удалось, когда я, поздоровавшись со всеми, протянул Алисе заказанный стаканчик с двойным ликером и принялся здороваться с присутствующими, поочередно протягивая каждому руку и произнося собственное имя.

Все рукопожатия не отличались друг от друга чем-то особенным, кроме хватки того самого чернокожего парня Ди Джи. Он протянул руку, будто утонченная аристократка для поцелуя, покровительственно и все с той же улыбкой немого превосходства. Мне хорошо был знаком этот жест, когда человек протягивает для рукопожатия руку, обращенную ладонью вниз. Я решил, как это называется, включить дурака. Легко коснулся пальцами левой руки тыльной стороны его ладони и тихо, но так, чтобы слышали все, произнес:

– Сожалею, Ди Джи, но я не гей.

Он брезгливо одернул руку, и на несколько секунд в компании воцарилась тишина. Они уже знали, что я русский, и сейчас явно соображали, почему я именно так отреагировал на жест Ди.

– Что за на хрен, мужик, – неожиданно высоким голосом воскликнул Ди, – я нет, господи... нет.

Я, делая вид, что не замечаю замешательства, сел на свободное место рядом с фиалками и, демонстративно осушив стакан с виски, добил его жестом, подняв вверх кулак с указывающим в потолок большим пальцем. Я словно говорил: «Эй, парень, да все в порядке, я нормально отношусь к тому, что ты трахаешься с мужиками».

– Нет-нет-нет, Адам, – взвился Ди Джи. – Да с чего ты взял, блин?

– Ты протянул руку для поцелуя, ладонью вниз. Так делают женщины и педерасты, – процедил я. – Это факт. Но еще так поступают, чтобы показать свое превосходство над тем, кто с тобой здоровается. Но я и помыслить не мог, что ты способен так поступить с человеком незнакомым, зная, что его привела твоя подруга. Не уважая гостя, ты не уважаешь и того, кто его привел.

Повисла пауза, фиолетовый парень сидел с открытым ртом, а спортивная мулатка улыбалась, явно одобряя то, как ловко я поставил на место зарвавшегося парня. Снова я поймал себя на мысли, что она чертовски красива и обаятельна, несмотря на атлетичную фигуру. Ди Джи готов был взорваться, его скулы заиграли, а глаза слегка сузились. Урок он усвоил на отлично, и достаточно с него.

– Прошу меня извинить, Ди Джи, я не знаю всех тонкостей общения и не так давно в Штатах. В основном общаюсь с такими же эмигрантами, как и я, так что, если какие-то из

моих слов или действий покажутся неуместными, прошу вас, говорите мне об этом без всякого стеснения. Я вполне адекватный человек, чтобы оценить ситуацию правильно.

– Нет проблем, Адам, – с облегчением выдохнул фиолетовый.

– Да, все нормально, – поддержала мулатка.

Ее имя я тоже запомнил, Рита. Она улыбнулась мне и слегка подмигнула в знак одобрения.

– Адам из России, преподает в Калтехе, и еще он мой сосед, – вставила Алиса. – А еще Адам строит настоящую русскую баню.

– Мой отец там тоже работает, он астрофизик, – вставил худой в пиджаке, представившийся Марком.

– А ты? Учишься, работаешь? – спросил я у худощавого.

– Ни то ни другое, у меня год до колледжа, отдыхаю, брат. – Он немного оживился, и даже темные круги под глазами потеряли былую яркость и отчетливость.

– Уже покатался по миру? – зная привычки американцев с тугим кошельком заглянуть в старушку Европу, поинтересовался я.

– Да, мы с Ди и Алисой летали в Лондон, – ответил Марк.

– Понравилось?

– Да, футбол, мрачные улицы и долбаный дождь. – Худощавый усмехнулся. – В апреле собираюсь в Сидней, на пару недель, отец посоветовал. Так что приглашаю.

Ди Джи вопросительно глянул на Алису, а я невольно прокручивал только что услышанное насчет совместной поездки в Лондон. Это была даже не ревность, а скорее тоскливое ощущение, когда проходишь лишь по краю чьей-то жизни, но искренне желаешь окунуться в нее поглубже. Однако сама по себе эта чужая жизнь настолько плотна, что выталкивает незваного гостя, как соленая вода Мертвого моря, и без титанических усилий находиться в гуще событий, как и в толще соленой воды, невозможно.

– А что это за русская баня? – поинтересовалась фиолетовая.

Точнее, говорили они «Russian bath», что дословно означало «русская ванная», но смысл был вполне понятен. Да и если совсем уж откровенно, то я и не строил в полном смысле русскую баню. Привычную печь на дровах в черте города мне поставить не позволят. Один пожар в районе – и вольнодумца растерзают в судах, как детскую игрушку. Это скорее сауна с каменной и ложным полом, где можно не только потеть, но и мыться и даже париться с вениками.

Собственно, так я и объяснил фиолетовой Ирэн, добавив, что это полезно для кожи и позволяет русским женщинам оставаться красивыми до весьма почтенного возраста.

– А еще он вырезает фигурки из дерева, – добавила Алиса, потягивая «Авалон». – Я показывала Ди Джи, но он не оценил. А мне нравится, особенно под тем цветочным кустом.

Ди пожал плечами, словно извиняясь, что не смог оценить шедевра.

– Я готова танцевать, – ставя стакан на стол, сообщила Алиса. – Идем? Хочу танцевать до утра, жуть как все надоело.

– Идем, – хором отозвались фиалки.

– Отлично, я только зайду в туалет, – сообщил Ди, вставая с кресла.

– А я загляну к звездным глазам, – проговорил я, глядя на распрямившегося великана.

Ди Джи был выше, чем мне показалось вначале. Никак не меньше ста девяноста сантиметров и с необъятными плечами регбиста.

– Мы у четвертой колонны, – сообщил худощавый, – и не распугай там белых своим чудовищем.

Все засмеялись, явно вспоминая какую-то историю из прошлого, но посвящать меня они точно не собирались. Алиса объяснила, как их найти, и, весело пританцовывая, скрылась в дверях, из-за которых доносилась музыка, а я повторил заказ у бара, ощущая, что принятое ранее спиртное давно выветрилось. Не знаю, сколько это заняло времени, но когда я вошел в

огромный зал, больше напоминающий театр со сценами, откуда убрали все кресла, то буквально был ошеломлен огромной массой беснующегося и веселящегося народа, равномерно рассыпавшегося по всему танцполу.

Продираясь сквозь ритмично дергающихся в такт музыке отдыхающих, я пытался подавить в себе сомнения насчет истинной причины приглашения в клуб. Так или иначе, основной негатив шел вовсе не от нее, а от черного гиганта с однозначно неспортивными мозгами. Он, скорее всего, хотел выглядеть, как brutальный спортсмен, просто ради имиджа. А еще я заметил, как он смотрит на нее. Это был не просто взгляд, это были воспоминания, которые пронеслись перед Ди Джи, когда он смотрел на Алису. Он был с ней, в этом я почти не сомневался.

Наконец я заметил в толпе фиолетовые футболки и подошел чуть ближе, пытаясь повторить те же ритмичные танцевальные движения, что видел вокруг. Фиалки, Марк с мулаткой, танцевали лицом к сцене, счастливые и довольные. Их руки то и дело взмывали к высокому потолку, они что-то кричали, поглядывали друг на друга, не переставая танцевать. Алиса танцевала чуть в стороне. Ее взгляд, в чем я был абсолютно уверен, был в этот момент устремлен внутрь себя. Всего того, что ее окружало, больше не существовало. Лишь она и музыка, проходящая сквозь тело.

Она заметила меня, но не подала вида, просто никак не отреагировала, продолжая вторить музыке собственным телом. Божественное зеркало мелодии, отражающее ритм в телесной оболочке. Я попытался влиться в общую массу, танцуя рядом с Алисой. В тот миг, когда диджей закончил крутить очередную композицию, Алиса ненадолго вышла из транса и, приблизившись ко мне, прокричала:

– Здесь здорово, да? Двигайся, не надо стесняться!

Ее губы почти касались моего уха, и я ощущал тепло, идущее от разгоряченного тела.

– Мне нравится! – прокричал я в ответ. – Ты отлично танцуешь.

– Спасибо, – крикнула она с первыми нотами мелодии, которая тут же поглотила ее полностью.

Я выдержал еще две композиции, почти одинаковые на слух, где отличались лишь несколько моментов, в одном из них пела женщина, а в другом звучал электронный голос трубы, напоминающий старый пионерский горн. Пробрался к выходу и только теперь осознал, как тут было прохладно. Бармен со звездами в глазах приветливо спросил:

– Впервые у нас?

– Да, – кивнул я, – виски со льдом и простой воды.

– Сделаем. – Он тут же заработал руками, доставая бокал и насыпая лед. – Нравится?

– Что? – не разобрал я из-за шумной компании за спиной.

– Я говорю, как вам клуб? Нравится? – повторил бармен, наливая виски.

– Да, отлично, но я просил один виски, – указал я бармену на второй стаканчик с напитком чайного цвета.

– Это акция, вы уже заказали в общей сложности шесть порций, а это за счет клуба.

Я не стал спрашивать, как он так считал, просто положил деньги на стойку и, взяв два стаканчика и бутылку воды, сел за столиком в том же углу, где познакомился с друзьями Алисы. Мрачный секьюрити бочкообразного телосложения, стоявший у входа в туалеты, улыбнулся мне, проводив взглядом до кресла, и с восхищением посмотрел, как я выпиваю залпом первую порцию крепкого напитка. Пусть смотрит, мне не жалко. Я с жадностью осушил бутылку воды и принялся смаковать оставшуюся порцию виски, думая о том, куда запропастился Ди Джи.

Вообще, мне тут нравилось. Некая территория молодости и необузданной сексуальной энергии, бьющей через край. Это совсем не походило на дискотеки в школе, которые я помнил весьма смутно, а скорее напоминало танцевальный шабаш, где мужчины и женщины сливались в экстазе, но не друг с другом, а с музыкой. Я допил виски и, пройдя мимо все еще толпившейся перед барной стойкой гомонящей толпы, вошел в двери танцевального зала.

Хриплый голос призывал людей кричать и любить. Надрывно, вкладывая в голос эмоции, чернокожий парень в бейсболке хоккейного клуба «Лос-Анджелес Кингз» повторял со сцены в серебристый микрофон:

– Вам нравится? Скажите мне, вам нравится?!

– Да! – ревели толпа в ответ.

– Я не слышу вас! Вам нравится? – продолжал голос.

– Да! Нравится!

– А теперь прижмите ваших девчонок, если, конечно, они у вас есть, и покажите самый страстный танец в вашей жизни!

По залу разлетелись овации, колонки выдали низкий и раскатистый гул басов, и женский голос разнесся по залу:

– This is the night for sex. Touch me. Touch my space.

Я увидел на сцене полуобнаженную красотку в короткой теннисной юбке и белом топе. У нее был по-настоящему мощный голос, низкий, но остающийся при этом сексуальным.

Я прошел вдоль стены и остановился у одной из колонн, выискивая глазами знакомые фиолетовые футболки. И тут мой взгляд зацепился за силуэт Ди Джи, который возвышался над толпой на целую голову. Алиса танцевала, стоя к нему спиной, а его огромные ладони скользили по ее телу, покрывая живот, грудь и шею. Алиса со всей страстью откликалась на эти прикосновения, кладя ладонь поверх ладони Ди Джи и направляя ее вниз живота, снова к груди, а потом и к лицу. Его пальцы дотрагивались до ее белых зубов, и язык Алисы нежно отвечал на это легкими дразнящими касаниями.

Не помню, что именно я ощутил, точнее, не помню отчетливо весь спектр этих переживаний, но самыми яркими из них были ревность и злость. Я не мог оторвать взгляд, и Ди Джи, кажется, каким-то образом почувствовал это. Он посмотрел мне прямо в глаза, продолжая сминать грудь Алисы огромными черными пальцами, и, склонившись к ней, оставляя мне возможность все видеть, поцеловал ее верхнюю губу, оттянув своими темными губами, а затем их языки прикоснулись на короткое мгновение друг к другу, и они слились в поцелуе.

Глава 17

Интересное знакомство

Я брел по улице, совершенно не понимая, куда иду. Просто переставлял ноги, стараясь найти вывеску какой-нибудь забегаловки, где мне смогли бы плеснуть крепкого. Голова звенела после громкой музыки, но я почти не замечал этого звона. Перед глазами стояло лицо Ди Джи, и его взгляд, и она... Алиса. То, как она прикасалась к нему, как отзывалась на его ищущие руки.

Взгляд зацепился за яркую надпись «БАР 24», и я без раздумий толкнул выдавшую виды деревянную дверь с маленьким смотровым окном, оказавшись в один миг в Америке тридцатых годов. Заведение не казалось какой-то стилизацией под ретро – оно было самым настоящим старым баром, бережно поддерживаемым в том стиле, который некогда придали ему строители. Пахло пролитым алкоголем, подгоревшим луком и кислым пивом. В баре царил полумрак. Из посетителей, кроме меня, были лишь мужчина, сидевший у барной стойки, не отрывающий взгляд от телевизора, и несколько человек у бильярдного стола в дальнем углу.

За стойкой красовалась пышногрудая дама в сером переднике, надетом поверх красной блузки. Она не обратила на меня внимания, продолжая читать потертую книжицу. Я прошел к стойке и сел прямо перед грудастой Кармен, по крайней мере, так было написано на табличке, висевшей, а точнее, практически лежавшей на ее огромной груди справа от глубокого выреза блузки. Девица, с виду лет сорока, с яркой красной помадой и густо подведенными веками, изобразила удивление и, отложив книгу в сторону, спросила:

– Выпить? Кухня не работает, могу предложить фирменный хот-дог: курица, говядина, говядина со свиной и свинина с сыром, – отчеканила она давно заученную фразу и замолчала, вопросительно глядя на меня.

– Водка есть? – Неожиданно мой голос прозвучал, словно чужой.

– Есть, но она недешевая, могу предложить виски...

– Водка, можно бутылку, – перебил я ее.

– Она последняя, все, что осталось. – Кармен повернулась к полкам за спиной и указала на литровую бутылку Smirnoff.

– Да, сойдет, – согласился я.

– Содовой? – поинтересовалась Кармен, снимая запыленную бутылку с полки и протирая ее полотенцем.

– Хот-дог и побольше огурчиков, если есть.

– Могу положить больше, но придется платить.

Я достал из кармана стодолларовую купюру и передвинул ей по заляпанной кетчупом и горчицей стойке.

– Если уйду в минус, скажете.

– Нет проблем, красавчик, – улыбнулась Кармен, довольная собой, и купюра тут же исчезла в кармашке передника. – Сядете куда-нибудь или здесь?

Я еще раз оглядел бар и решил, что посижу у стойки, составив компанию незнакомцу, явно не ищущему шумного общества.

– Пожалуй, здесь. – Добродушно улыбнувшись, я облокотился на барную стойку и принялся смотреть, как Кармен готовит хот-дог.

Наблюдая за ловкими движениями пухлых рук, которыми Кармен переворачивала булочку на электрогриле, я невольно задавал себе вопрос: что сейчас делает Алиса, вот в этот самый конкретный момент? Вспоминает ли она обо мне? Ищет там, среди распаленной толпы,

или давно забыла в объятиях чернокожего гиганта? А если ищет, то почему не пишет и не звонит?

За спиной Кармен маячило мое отражение в зеркале, закрывающем заднюю стенку полок и создающем иллюзию большого пространства. На меня смотрели уставшие глаза мокрой дворняги, поскуливающей перед входом в супермаркет в надежде, что ей достанется кусок бургера или сосиска. Меня ждала сосиска.

Таким я быть не хотел. Рука сама потянулась к бутылке, и я наполнил стакан почти до краев. Взгляд пошарил по стойке, но закуска пока не появилась. Кармен продолжала колдовать, подрумянивая на гриле бордовую сосиску, размеру которой мог порадоваться любой голодный человек.

– Держи, – прозвучал голос откуда-то слева. Знакомый, я мог поклясться, что уже слышал его, но мозг пока не находил никаких ассоциаций. – Водку без закуски пьют или русские, или спятившие парни, – закончил голос, и крепкая мужская рука с аккуратно подстриженными ногтями и косым шрамом на кисти поставила передо мной тарелку с чипсами.

Не говоря ни слова, я опустошил стакан, взял картофельный кружок, понюхал и положил перед собой на стойку.

– Спасибо, старина, я русский, – прохрипел я, пытаюсь избавиться от неприятного ощущения после выпитой теплой водки.

– Поставить в морозилку? – поинтересовалась Кармен, глядя, как я пытаюсь изо всех сил вернуть лицу нормальное выражение.

– Да, будь добра, – прохрипел я, – и налей содовой, и тому господину повтори, что он там пил.

– Пиво, – довольная тем, что, несмотря на столь поздний час, клиенты продолжают тратить наличные, заговорщицки прошептала она.

– Отлично, и мне тоже, – закончил я.

– Один момент, – ответила барменша, ставя передо мной тарелку с хот-догом. – Все сделаю в лучшем виде.

– Думаешь, водка поможет? – проговорил все тот же голос.

Я посмотрел на профиль мужчины, сидящего в двух метрах от меня, и сразу же узнал его. Это был тот самый агент из новостей, с итальянской внешностью, я даже запомнил, как его зовут, – Патрик Гассмано. Он безучастно смотрел новости, улыбаясь каким-то своим мыслям. Его серый плащ висел на спинке стула, словно спущенный флаг павшей крепости. Перед ним стояли пустой пивной бокал и пепельница с двумя окурками.

– А вам помогает? – ответил я вопросом.

Он посмотрел точно такими же глазами, которые взирали на меня минуту назад из отражения в зеркале, и я понял, что помощи следует ждать только от общения. Одиночество сейчас не самый лучший друг. Патрик пожал плечами.

– Теперь уже все равно, – обреченно выдавил он.

– Я видел вас в новостях, вы тот агент. Кстати, мне понравилось, как вы держались с этими крикливыми курицами.

– Вы так считаете? Спасибо, и за пиво тоже. – Он отсалютовал мне бокалом, поставленным перед ним Кармен. Я сделал то же самое.

– Как у вас продвигаются дела? – поинтересовался я. – Не отвечайте, если это...

– Да все нормально, меня сегодня выперли, так что какая на хрен разница. – Он тихо рассмеялся и тут же утопил губы в пышной пивной пене.

– Мне жаль, – искренне промолвил я.

В конце концов, он был почти старик, и для него увольнение – огромный шок, а мои проблемы – всего лишь разбитые надежды или даже не надежды, а обычные мальчишеские мечты.

– Так бывает, не со всеми, но дерьмо случается, так что... – Гассмано поджал губы и сморщился, словно откусив лимон. – Я еще жив, а это уже неплохо.

Привычным движением он пошарил руками по скругленной спинке стула и, нащупав рукоять трости, с облегчением выдохнул.

– Все время боюсь, что где-нибудь оставлю эту чертову палку, – проворчал он.

– Это ваша трость? – осведомился я, глядя на совсем непростую рукоять в виде сидящей на ветви птицы. По задумке мастера птичка превращалась в довольно удобную рукоять, с впадинкой перед вздернутым кверху хвостиком.

Трость висела на птичьем хвосте, украшенном голубыми камнями. Морские оттенки присутствовали и на поверхности самой трости. Я точно знал, что видел это раньше, но только на разных рисунках, и было это, как мне казалось, в те дни, когда я изучал историю Древнего Египта.

– Нет, эту штуковину я должен был отвезти в полицейский департамент Лос-Анджелеса как улику по делу Разоблачителя, но мне позвонили и сообщили, что улики их не интересуют. Их, видите ли, дело Разоблачителя не волнует.

– Надеюсь, это не орудие убийства?

– Кто знает, все случается, и время от времени повторяется все. Вещица необычная, хотел узнать, что это может быть, и посмотреть картотеку в полицейском департаменте.

– Я могу вам сказать. Тут ничего загадочного...

– Вот как? – Он удивленно посмотрел на меня, внимательно и с нескрываемой подозрительностью к каждой детали.

– Эта птичка – символ египетской богини Хатхор, в чьем образе часто изображали царицу Клеопатру. Ее считают одной из самых мудрых правительниц древности, а голубой цвет трости означает не что иное, как небо. Владелец трости словно опирается на власть небес, являясь носителем божественного.

Я закончил и увидел округлившиеся глаза Патрика, а затем и Кармен.

– Это было, черт побери, сногшибательно, и никак иначе, – с чувством отметил Патрик и посмотрел на трость, как будто на старого приятеля. – А это? Что значит это? – Он снял трость со спинки и, протянув ее в мою сторону, показал мне надпись: – «СОТЭ».

Я пересел на соседний с ним стул, Кармен передвинула тарелку с нетронутым хот-догом, и я внимательно осмотрел рукоять трости. Птичка была отлита как бы в профиль, в египетском стиле, и с одной ее стороны, рядом с клювом, неизвестный мастер решил изобразить эти четыре буквы, разделенные точками. С другой стороны значилась только одна буква «Я».

– Я – СОТЭ, или СОТЭЯ, – прочитал я надпись по-русски, поставив «Я» в конец слова. – Это, судя по букве «Э», написано на кириллице, возможно, на русском, а может, на другом языке, использующем тот же алфавит, но что это значит, не скажу, никогда такого не встречал.

Какое-то время мы сидели молча, каждый думая о своем, пока перед нами не материализовалась пышная Кармен, водрузившая на стол запотевшую бутылку водки, в которой оставалась добрая половина содержимого. Вечер переставал быть вечером потерянных надежд и превращался в вечер новых интересных знакомств.

– Ну, с тростью мы разобрались, а что тебя привело сюда посреди ночи? Или ты просто решил выпить водки в излюбленном баре отставных копов? – Патрик усмехнулся одними глазами, как умеют делать старики и актеры.

Я несколько секунд молчал, решая, что отвечать этому уставшему от бесконечной рутины человеку. Мне было понятно, что он лишь похож на искренне интересующегося собеседника, коего можно без труда встретить в любом ресторане Москвы. Обычный американец не станет лезть в душу, а уж изливать свои горести и обиды новому знакомому наверняка не будет. Но Патрик был копом, точнее федералом, а это порода особая, любопытная и цепкая к словам.

Мне же хотелось выговориться, хотелось получить оценку собственным страданиям и мыслям, пусть даже если я не озвучу самое их дно, а лишь пройду по краю.

– Влюбился в соседку, но у нас такая разница в возрасте, что, боюсь, мне совсем ничего не светит. К тому же ее мать явно будет против такого романа. – Я все это время старался смотреть на лицо Патрика, чтобы уловить малейшее изменение в его настроении. – Она, знаешь ли, строгая католичка, к тому же мексиканского происхождения.

Лицо Патрика не дрогнуло, он не нахмурился, не улыбнулся, а просто, причмокнув губами, сказал:

– Понимаю.

Неожиданно он протянул руку и представился:

– Патрик Гассмано.

– Адам Ласка, – проговорил я. – За знакомство?

Патрик не возражал. Мы выпили, потом еще выпили, пока беседа сама собой не вернулась к работе Патрика, о которой знал весь штат. Не знаю, почему Гассмано так разоткровенничался со мной, но мне показалось, что он был более многословен, чем в репортажах по ящику.

– Все его жертвы, все эти бедняжки, – говорил он вполне трезвым голосом, но крайне тихо, так что мне приходилось склоняться к его плечу, – они были настоящими красавицами, Адам. Ты бы видел их, ты бы видел... Юные, живые и счастливые! Но выход из паучьих сетей всегда один – смерть. Он их укутывает, ласкает своими грязными лапками долгие месяцы, чтобы в конце выбросить, как пустой мусорный пакет. Этот человек умен, за столько лет ни одной ошибки, так что даже общественность, кажется, свыклась с его неизбежным существованием. Я таких не встречал, Адам...

Патрик закашлялся и занюхал очередной глоток водки кружком огурца. Последние полчаса мы говорили об Октябре, и Патрик пытался объяснить мне, почему не удастся прижать его к стене.

– Вот ты, Адам, ты умный? – Он склонил голову набок в ожидании ответа.

– Лауреат Нобелевской премии, – честно сказал я.

– Да иди ты... – Патрик всплеснул руками, выдув из пепельницы облако пепла.

– Я не шучу, работаю в Калтехе, там же и преподаю.

– Выходит, ты потенциально можешь быть Октябрем. – Патрик усмехнулся. – У нас нет даже фоторобота, так что я могу сказать только одно: эта тварь умна, умна и хитра.

Он налил еще и, не дожидаясь меня, осушил рюмку.

– Но ты не он! – Патрик раскурил очередную сигарету и предложил закурить мне, что было очень кстати.

– Я тоже так считаю, – попытался пошутить я.

– Ты считай как хочешь, но будь ты Октябрем, то уже трахал бы свою куколку в укромном местечке, и плевать бы тебе было на то, чего хочет она или ее мать... Понимаешь разницу? Ты... Ты! – Патрик буквально воткнул палец в мое плечо. – Ты человек, ты испытываешь стыд, боишься, сомневаешься, люди это называют жизнью, да, тут согласен, но он не такой.

– Он ведет себя, как хищник. Никакого сожаления, – вставил я догадку в его уже не совсем стройную речь.

– Возможно, Адам, очень даже возможно, но вполне вероятно, что мы и вовсе далеки от истины... Он может быть психом, или их может быть целая группа, и тут все силы ФБР и полиции стоят перед пропастью, да что там пропастью, перед кучей дерьма, и имя ей – полное ничто!

– Жутко думать, что, пока мы тут сидим, Октябрь выбирает очередную жертву на этих самых улицах, возможно, на соседней улице или на другой стороне дороги, – проговорил я, пережевывая хот-дог.

– А еще хуже, если он заправляет твой автомобиль или же ты каждый день покупаешь у него пару фунтов хлеба.

Он тихо рассмеялся и снова закашлялся, прикрывая рот кулаком.

– Предлагаю перейти на текилу, – прохрипел он, прочистив горло. – Теперь я угощаю.

– Отлично, я совсем не против.

Глава 18

Тихая-тихая жизнь

Я проснулся около полудня от жуткого желания сходить по нужде. Решив, что возвращаться в постель – это все равно, что проспять до вечера, буквально заставил себя принять душ и уже через полчаса сидел у бассейна с чашкой крепкого кофе и бутылкой холодной воды. Одно должно разбудить, второе – утолить нескончаемую жажду. Мысли о вчерашней ночи, словно спутанный клубок нитей, крутились, переворачивались и подпрыгивали в надежде быть распутанными. Но сделать это было непросто.

Окунувшись в прохладный бассейн и выпив еще одну чашку кофе, я занялся резьбой. Разложил на верстаке стамески для вырезания мелких деталей, выбрал заготовку, брусок липы, почти белой с желтоватыми прожилками, и очертив контур птички, сидящей на ветке, как на запомнившейся мне трости, приступил к работе. Трость почему-то никак не шла из головы, и, желая обзавестись точно такой же, пусть и чисто в декоративном плане, я принялся за работу.

Дерево поддавалось легко, впуская в себя стальное жало стамески. С каждым движением на стол падал очередной липовый завиток, а брусок постепенно приобретал необходимый контур. Уже начинало темнеть, когда я крутил в руках деревянную птичку, решая, стоит ли вырезать буквы «СОТЭ» и «Я», как на оригинале. Смысл букв был неизвестен, но почему-то хотелось повторить все, вплоть до мелочей. Единственное, в чем я сомневался, – это значение написанного. А что, если это какое-нибудь сатанинское послание, которое, например, может прочесть и расшифровать любой послушный прихожанин церкви?

Покрутив птичку еще немного, я решил отложить принятие решения на завтра и, окунувшись еще раз в бассейн, отправился спать, не обращая внимания на пару неотвеченных звонков и непрочитанных сообщений. Вотсап молчал, а остальное могло подождать до завтра.

Воскресенье, как и все начало следующей недели, я провел, погрузившись в работу. Готовил документы для очередного проекта, обсуждал план лекций, на которых хотел использовать новое оборудование для трехмерного изображения в пространстве и очки виртуальной реальности. Домой удавалось добраться лишь поздно вечером, и сил оставалось совсем не много. Быстрый ужин перед телевизором и сон – это все, на что меня хватало.

Алиса вновь пропала, как это уже случалось. Не было ни сообщений, ни звонков. Окна ее дома оставались мертвенно-темными по вечерам, на основании чего я сделал вывод, что она либо живет у Ди Джи, либо уехала куда-то по работе. Писать, а тем более звонить ей не хотелось. Я все еще злился, и тупое чувство ревности никуда не делось, а это означало только одно: если я и напишу ей хоть что-то, то буду совершенно необъективен в суждениях. Это может только оттолкнуть, так мне тогда казалось. А еще я боялся, боялся, как никогда, что могу допустить ошибку и навсегда потерять тонкую нить надежды, связывающую меня с Али.

Боялся я и того, что слишком быстро принял желаемое за действительное, и Алиса, чтобы не дарить мне ложных надежд, невольно проведет черту между нами... Проведет ее лишь для того, чтобы не давать мне лишний повод, очертит ее острой бритвой, раз и навсегда отсекая меня как мужчину. А я так хотел просто мечтать, что роман между нами возможен, хотя бы теоретически. Пусть шансы малы, пусть она молода – все это лишь условности. Если она захочет быть со мной, то все остальное отойдет на второй план.

Где-то внутри своего сознания я уже принял решение ждать, именно ждать, а не добиваться. Бриджид, моя милая Бриджид, упрекала меня за эту пассивность, рассуждая о роли созерцателя в том же ключе, что и о роли излишне осторожного и трусоватого человека. Может, я и был таким. Может, остаюсь им и теперь. Не знаю. Так или иначе, я готов был терпеть и ждать, это всегда мне удавалось отлично.

Глава 19

11.03. Пятница

Вернувшись домой в пятницу, я увидел на пороге пакет. Внутри оказалась бутылка калифорнийского вина и маленькая записка:

«Прости за вечер.

Как-то мы потеряли друг друга. Надеюсь, у тебя все в порядке. Видела тебя за работой, но заходить было стыдно. Я сама пригласила тебя и теперь чувствую себя виноватой. Еще раз прости.

А.».

Я перечитал записку несколько раз, сам не знаю зачем, понюхал ее, ожидая уловить аромат рук, но пахла она обычной бумагой. Что это? Осознание вины или просто нотки хорошего воспитания? Может быть, это было и тем и другим, а может, и чем-то третьим, я не был уверен. Записка отправилась на дно корзины.

Усталость, которая только что валила меня с ног, улетучилась, и чувства, взбудораженные запиской, снова проявились на поверхности. Это походило на то, как незадачливый муравей попадает в песчаную воронку паука-убийцы и в попытках выбраться по крутому склону раз за разом скатывается вниз, все ближе к смертоносному жалу хищника. Так и эта записка сдернула меня с отвесного склона, за который мне удалось зацепиться, и я вновь катился в объятия грез о ней, моей Али.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.